

По ту сторону Сказки

Тайны старого дома

Александр Рыжков

Александр Рыжков

Тайны старого дома

«Автор»

2026

Рыжков А.

Тайны старого дома / А. Рыжков — «Автор», 2026

«Тайны старого дома» — первая книга цикла «По ту сторону сказки», открывающая дверь в мир, который живёт прямо за нашей спиной: в скрипе половиц, в тени за печкой, в тумане над банной крышей. Когда брат и сестра Даня и Варя приезжают на лето к деду Матвею в старый деревенский дом, они уверены, что главным испытанием станет отсутствие связи и Wi-Fi. Но уже в первый вечер пропадает телефон — и не находится никакой логикой. А потом начинаются ночные шёпоты, чьи-то вздохи на верхней полке бани, заплетённые в косички лошадиные гривы и пряжа, за ночь превратившаяся в морские узлы. Дед Матвей не торопится с объяснениями. Он заваривает чай из чабреца, хитро щурится — и рассказывает. О Кузьмиче, который любит блюдечко с молоком. О суровом Баннике, охраняющем границу миров. О капризном Дворовом, мелких пакостниках Злыднях и строгой ночной Пряхе, которая не терпит брошенной работы. Для всех, кто верит, что у старых домов есть голос — нужно только уметь слушать тишину.

© Рыжков А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие:	5
"Пропавший телефон и блюдечко с молоком" Глава 1. Приезд.	8
Глава 2. Обустройство.	13
Глава 3. Катастрофа первого вечера.	18
Глава 4. Метод дедукции Дани.	22
Глава 5. Странности начинаются.	27
Глава 6. Дед Матвей заваривает чай.	32
Глава 7. Рассказ бабушки.	37
Глава 8. Правила старого дома.	43
Глава 9. Подготовка к примирению.	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Александр Рыжков

Тайны старого дома

Предисловие:

О том, как важно уметь слушать тишину.

Мы разучились слушать тишину.

В городах, где мы живем, ее попросту нет. Нас окружает плотный, гудящий кокон из звуков: ровный гул автомобильных шин по асфальту, механическое бормотание телевизоров, резкие трели телефонных уведомлений, гудение холодильников и вечный, несмолкающий шепот сотен чужих разговоров. Город никогда не спит, он лишь иногда прикрывает глаза, оставляя дежурное освещение витрин. В этом мире бетонных коробок и ярких экранов все кажется понятным, измеримым и объяснимым. Любую тайну можно разгадать за пару секунд, просто вбив вопрос в поисковую строку. Любое чудо можно разложить на физические формулы и пиксели.

Но магия никуда не исчезла. Она не умерла, не растворилась в выхлопных газах и не спряталась от вышек сотовой связи. Она просто устала кричать, пытаясь пересилить городской шум. Магия отступила туда, где еще помнят, что такое настоящее время — не то, что суетливо бежит по цифровому табло смартфона, а то, что неспешно течет вместе с соком по стволам вековых сосен, замирает в янтарной капле смолы и оседает золотистой пылью на старых книжных страницах.

Она прячется там, где начинается тишина.

Если вы когда-нибудь уезжали далеко от города, туда, где асфальт сменяется грунтовой, а фонарные столбы уступают место темным, лохматым елям, вы знаете это чувство. Когда машина глушит мотор около старого деревянного дома, на вас вдруг обрушивается такая звенящая, густая тишина, что с непривычки начинает закладывать уши. Кажется, будто мир оглох.

Но стоит постоять так минуту-другую, закрыть глаза и просто подышать запахом нагретой за день травы, влажной земли и дымка от чьей-то далекой бани, как тишина начинает распадаться на тысячи крошечных, живых звуков.

Вот где-то в саду, с мягким, глухим стуком упало в высокую крапиву перезревшее яблоко. Вот тонко, на самой границе слуха, зазвенел комар. Вот скрипнула под порывом вечернего ветра старая яблоня, словно вздохнула о чем-то своем, древесном. А вот едва слышно зашуршало под крыльцом — это еж вышел на ночную охоту, сердито сопя и перебирая когтистыми лапками.

Тишина в деревне — это не пустота. Это разговор мира с тем, кто готов его услышать.

И самые главные собеседники в этом разговоре — старые дома.

Они не похожи на безликие городские новостройки, пахнущие свежей краской и холодным пластиком. Старый деревенский дом — это живое существо. У него есть свое лицо — окна с резными наличниками, которые по утрам шуряются на солнце, а по ночам настороженно вглядываются в темноту. У него есть свой голос — протяжный скрип половиц, старческое кряхтение стропил на чердаке перед дождем, уютное гудение огня в печи.

И, конечно же, у него есть память. Старые дома впитывают в себя жизни тех, кто в них обитал. Они помнят, как пахнет парное молоко и сушеная ромашка, подвешенная пучками под потолком. Они хранят тепло рук, которые десятилетиями полировали до блеска деревянную ручку двери. Они знают, куда закатилась пуговица в тысяча девятьсот лохматом году, и почему левая половица в коридоре всегда поет тоненьким голоском, если наступить на ее край.

В таких домах границы между привычной нам реальностью — Явью, и миром невидимым, сказочным — Навью, становятся тонкими, как папиросная бумага.

Мы привыкли думать, что славянские мифы, все эти сказки про леших, водяных, домовых и русалок — это просто глупые страшилки, которые наши предки выдумывали от необразованности, чтобы объяснить то, чего не понимали. Что Баба Яга — это злая старуха, мечтающая сжарить доброго молодца, а Леший — коварный монстр, сбивающий путников с дороги ради забавы. Нас научили делить мир на черное и белое, на Абсолютное Добро и Абсолютное Зло.

Но природа не знает таких слов. Разве гроза — это зло? Она может ударить молнией в сухое дерево и спалить сарай, но она же поит иссохшую землю водой, без которой не взойдет хлеб. Перун, чей рокот катится по весеннему небу — это не супергерой в плаще и не злодей. Это сама стихия, яростная, справедливая и равнодушная к людским обидам.

Так же и нечисть, живущая по ту сторону сказки. Слово «нечисть» ведь изначально не означало ничего плохого. Это просто те, кто «не читается» по человеческим законам, кто живет по законам природы.

Леший не злой. Он — хозяин леса. Если ты пришел в его владения с добром, не ломал ветки ради потехи, не оставлял после себя мусор, поклонился при входе и попросил разрешения собрать ягоды — он выведет тебя на самую щедрую поляну, да еще и тропинку домой под ноги ровной лентой постелет. Но если ты пришел с жадностью, с криком, с огнем и неуважением — не обижайся, когда знакомая опушка вдруг обернется глухим буреломом, а ноги сами зашагают в вязкое болото. Леший лишь возвращает тебе то, что ты принес с собой.

Домовой не чудовище из-под кровати. Он — хранитель очага, невидимый помощник, сотканный из пылинок в солнечном луче и запаха печеного хлеба. Оставь ему на ночь блюдечко с молоком, поблагодари за то, что вещи не теряются, а в семье нет ссор — и дом будет стоять крепостью. Начни ругаться, свистеть в комнатах, разводить грязь — и вещи начнут пропадать, посуда биться, а по ночам из темных углов послышится недовольное, тяжелое вздыхание.

Сказки, которые рассказывали шепотом при свете лучины, никогда не были просто развлечением. Это были инструкции по выживанию. Правила жизни, в которых главное — это Уважение и Баланс. Не бери больше, чем тебе нужно. Не обижай слабого. Помни, что ты в этом мире не царь природы, а лишь гость, и вести себя должен соответственно.

В этой книге мы отправимся именно в такой мир. В мир, где магия не стреляет снопами искр из волшебных палочек, а тихо мерцает в отражении старого самовара.

Мы отправимся в деревню, на самый край дремучего леса, куда этим летом приехали двое городских ребят. Двенадцатилетний Даня — современный подросток, чья жизнь надежно упакована в смартфон. Он верит в физику, логику, интернет и Википедию. Если что-то нельзя сфотографировать или измерить — значит, этого не существует. И его младшая сестра Варя, девятилетняя мечтательница, чье сердце распахнуто миру так широко, что она способна пожалеть даже дождевого червяка, выброшенного на асфальт. Она не нуждается в доказательствах, чтобы почувствовать чудо.

Их ждет старый дом со скрипучими половицами. И их ждет дедушка Матвей.

Дед Матвей не носит мантий и не читает заклинаний по древним фолиантам. Он пахнет сосновой стружкой и табаком из старой трубки. У него мозолистые, умелые руки, спокойный, чуть прищуренный взгляд выцветших глаз и привычка заваривать самый вкусный на свете чай с чабрецом и иван-чаем. А еще он знает, как разговаривать с лесом. Знает, почему нельзя смотреть в зеркало в полночь. И помнит времена, когда люди и те, кто живет по ту сторону сказки, соблюдали Великий Договор.

Дед не любит читать нотации. На любой Данин скепсис или испуганный вопрос Вари он лишь усмехнется в усы, поправит полено в печи, чиркнет спичкой, и под уютный треск огня начнет свой рассказ.

Эта книга — приглашение. Снимите городскую обувь у порога. Выключите звук на своих телефонах. Почувствуйте босыми ногами прохладу выскобленных деревянных досок. Слышите, как за окном сгущаются синие летние сумерки? Как ветер путается в ветвях старой березы? Как закипает вода, тихонько побулькивая в пузатом заварочном чайнике?

Садитесь поближе к огню. Положите руки на теплый бок чашки.

Сказка уже стоит на пороге. Она ждет, пока вы перестанете суетиться и начнете слушать.

А если вам вдруг покажется, что в самом темном углу комнаты сейчас мелькнула маленькая лохматая тень и раздался тихий, довольный смешок — не пугайтесь. Просто скажите: «Доброй ночи, Хозяин». Ему будет приятно.

"Пропавший телефон и блюдечко с молоком" Глава 1. Приезд.

Всё началось с того, что мир за окном папиного автомобиля перестал быть асфальтовым, ровным и предсказуемым.

Сначала исчезла разметка. Потом куда-то подевались дорожные знаки, рекламные щиты с улыбающимися людьми, предлагающими купить квартиры в ипотеку, и бензоколонки. А затем асфальт, покрывшись густой сетью трещин, словно старая фарфоровая чашка, и вовсе сдался, уступив место желтой, утрамбованной поколениями телег и тракторов грунтовке.

Машину ощутимо тряхнуло.

На заднем сиденье двенадцатилетний Даня страдальчески вздохнул и в сто пятый раз за последний час нажал кнопку разблокировки смартфона. Экран вспыхнул, безжалостно высветив в правом верхнем углу то, что пугало Даню больше, чем контрольная по алгебре: пустой треугольник антенны. Ни 4G. Ни LTE. Даже жалкого значка «Е» не наблюдалось. Связь умерла где-то километрах в тридцати позади, около покосившейся автобусной остановки с выцветшим названием «Малые Вешки».

— Мам, — не выдержал Даня, подаваясь вперед и повисая на спинке водительского кресла. — Мам, ну скажи, что это шутка. Мы же не останемся здесь на целый месяц? Тут даже связи нет! Как я скачаю обновление для игры? Как я буду с пацанами общаться? Мы же договаривались турнир устроить!

Мама, не отрывая взгляда от ухабистой дороги, поправила солнцезащитные очки: — Даня, мы всё обсудили еще в городе. Свежий воздух, природа, парное молоко. И, главное, живое общение с дедушкой. Вы его три года не видели.

— Парное молоко — это которое прямо из-под коровы? Теплое? И с пенкой? — с другого конца заднего сиденья раздался мечтательный голос.

Девятилетняя Варя сидела, прижавшись носом к стеклу. Ее дыхание оставляло на прохладном окне мутные пятна, на которых она тут же принималась рисовать пальцем каких-то загадочных существ. Одно из них подозрительно напоминало кота с крыльями бабочки.

— Да, Варюша, — улыбнулась мама. — Настоящее. Не из тетрапака.

— Фу, — Даня скривился. — Оно же коровой пахнет. Я лучше воды попью. Пап, ну долго еще? Мой телефон сейчас разрядится в поисках сети, а я даже не знаю, доедем ли мы до электричества!

Папа крутанул руль, объезжая особенно глубокую лужу, в которой, как в зеркале, отражалось тяжелое, набрякшее влагой небо. — Электричество у деда Матвея есть, не переживай, сын. А вот интернет тебе на месяц заменит библиотека. У деда там такие фолианты — закачаешься. Всё, приехали. Вон наша деревня.

Даня выглянул в окно и упал духом окончательно.

Деревня, носившая странное и певучее название Лихолесье, пряталась в низине, окруженной стеной густого, почти черного елового леса. Казалось, деревья расступились совсем недавно, неохотно освободив место для двух десятков деревянных домов. Дома были старые, потемневшие от дождей и времени, с высокими двухскатными крышами и резными наличниками на окнах.

Когда машина остановилась у крайнего дома, двигатель чихнул и затих, словно извиняясь за то, что нарушил здешнюю тишину. А тишина была невероятной. Не пустой городской, где всё равно гудят вдалеке машины или гудят трубы, а густой, живой, наполненной стрекотанием кузнечиков, шелестом листьев и далеким, ритмичным стуком дятла.

Дом деда Матвея стоял немного особняком, ближе всех к лесу. Он был похож на огромного, задремавшего на солнышке лохматого пса. Посеревшая от времени деревянная чешуя крыши напоминала взъерошенную шерсть, а два окна на фасаде, обрамленные искусной резьбой — переплетенными листьями и диковинными птицами — смотрели на незваных гостей как прищуренные, мудрые глаза. Вдоль забора густо росли заросли крапивы и малины, переплетенные так тесно, что казались неприступной крепостью.

Калитка скрипнула, и на крыльцо вышел хозяин.

Дед Матвей совершенно не вписывался в Данино представление о деревенских стариках. Он не носил засаленных фуфаяк или растянутых треников с вытянутыми коленками. На нем была чистая льняная рубашка свободного кроя, подпоясанная плетеным шнурком, и простые темные штаны. Дед был высоким, с прямой, как сосновая мачта, спиной, густой седой бородой, в которой пряталась едва заметная усмешка, и глазами удивительного цвета — серыми, но с зеленоватым отливом, как мох на северной стороне дерева.

— Добрались, касатики, — голос у деда оказался глубоким, бархатистым, с легкой хрипотцой, похожей на звук, с которым рубанок снимает тонкую стружку с сухого дерева.

Он спустился по ступенькам легко, без старческого кряхтения. От него пахло можжевельником, крепким чаем и нагретым на солнце деревом — запахом спокойствия и надежности.

— Деда! — Варя первой выскочила из машины, чуть не запутавшись в собственных сандалиях, и бросилась к нему. Дед Матвей подхватил внучку на руки, словно она ничего не весила, и рассмеялся.

— Ишь ты, какая стрекоза вымахала. Тяжелая стала, будто пуд муки!

— Я не пуд, я тридцать килограммов! — серьезно возразила Варя, обнимая его за шею. — А у тебя дом живой? Я видела, как он нам окном моргнул!

Мама, вытаскивая сумки из багажника, засмеялась, а вот дед Матвей посмотрел на Варю очень внимательно. В его глазах мелькнула искра уважения. — Глазастая, — только и сказал он, опуская девочку на землю. — Глазастая. А ты что в машине застрял, Даниил? Выходи, не съедят тебя тут. Комары у нас нынче сытые, добрые.

Даня нехотя вылез из машины, держа телефон вытянутым перед собой, как миноискатель. — Здрасьте, дедушка. А у вас тут вышки связи нигде поблизости не строят? У меня даже экстренный вызов не проходит.

Дед Матвей подошел, протянул большую, жесткую ладонь с мозолями от инструментов. Даня пожал ее, удивившись силе рукопожатия. — Вышки, говоришь? — дед хитро прищурился, глядя на темнеющий лес. — У нас тут, Даня, свои сети. Корневые. Держит лес крепко, ни один сигнал сквозь его кроны не прорвется, если сам лес того не захочет. Да и ни к чему тут твоя коробочка. Тут слушать надо, а не в экран пялиться.

Даня только тяжело вздохнул. Перспектива слушать, как растет трава, его не прельщала.

Они вошли в дом. Даня остановился на пороге, споткнувшись о высокое, отполированное до блеска бревно. — Осторожнее, внучок, на порог не наступай, перешагивай, — мягко, но настойчиво сказал дед, придерживая Даню за плечо. — Почему? — удивился мальчик. — Споткнуться можно? — Можно и споткнуться, — уклончиво ответил дед Матвей. — А можно и границу потревожить. Порог — он дом от улицы отделяет. Негоже на границе топтаться, ни там, ни тут.

Внутри дом оказался совсем не таким, как ожидал Даня. Он думал, здесь будет пахнуть сыростью, нафталином и старыми галошами. Но дом пах сушеным чабрецом, мятой, свежеспеченным хлебом и печеными яблоками.

Посередине огромной главной комнаты, которую дед называл горницей, возвышалась настоящая русская печь. Беленая, чистая, с уютными нишами-печурками и широкой лежанкой, застеленной лоскутным одеялом. Половицы под ногами были широкими, из толстых досок. Они не просто скрипели — они словно разговаривали, издавая разные звуки под шагами каж-

дого из вошедших. Под тяжелыми шагами папы они гудели басом, под мамиными каблучками — цокали, Варины прыжки отзывались легким перестуком, а вот когда по комнате шел дед Матвей, половицы почему-то молчали.

Под потолком, на толстой деревянной балке, висели пучки высушенных трав. В углу, под вышитым рушником, тикали старинные ходики с тяжелыми медными гирями.

— Располагайтесь, — дед махнул рукой в сторону двух дверей, ведущих в спальню. — Городские вы мои. Я пока самовар поставлю.

Родители, перекинувшись парой слов, спешно начали собираться обратно. Отцу нужно было срочно возвращаться в город из-за работы, а мама, хоть и обещала приехать через неделю, сейчас должна была уехать вместе с ним. Сцена прощания была быстрой, скомканной, наполненной мамиными наставлениями: «Слушайтесь дедушку», «Не ходите в лес одни», «Даня, следи за сестрой», «Варя, не тащи в рот немытые ягоды».

Когда машина, взревев мотором, развернулась и скрылась за поворотом дороги, подняв облако желтой пыли, Даня почувствовал, как внутри образовалась звенящая пустота. Они остались одни. В деревне. Без интернета.

Он поплелся обратно в дом. Варя уже вовсю хозяйничала. Она стояла у печки и, вытянув шею, заглядывала за трубу. — Даня! — прошептала она, когда брат вошел. — Я там кого-то видела! Честное слово! Мохнатое такое, с глазками-пуговками. Шмыгнуло за кирпичи! Может, это котенок? — Это мышь, Варя, — авторитетно заявил Даня, бросая свой рюкзак на деревянную скамью у окна. — Обычная полевая мышь. В старых домах всегда антисанитария и мыши. Это биология, пятый класс.

Он достал из кармана телефон. Экран был темным — батарея села в ноль. — Деда! — крикнул Даня, оглядываясь. — А розетки тут есть? Мне срочно телефон зарядить надо!

Дед Матвей вышел из кухни, неся в руках тяжелый медный самовар, от которого исходил умопомрачительный запах древесного дыма. Он поставил его на большой круглый стол, застеленный льняной скатертью. — Розетки есть, отчего ж не быть. Вон, у комода поищи, — ответил дед. — Только к чему он тебе сейчас пустой? Ты же сам сказал, сети нет. — Ну как... — Даня растерялся. — Там же часы. И калькулятор. И фотографии... И вообще, без телефона как-то тревожно. Будто без руки.

Дед покачал головой, но спорить не стал. Он подошел к старому деревянному комоду, вытащил из верхнего ящика небольшой, потемневший от времени деревянный брусок и странный нож с изогнутым лезвием.

За окном начало быстро темнеть. В деревне сумерки наступают не так, как в городе. В городе темнота разбавляется неонами витрин и желтизной фонарей. Здесь же темнота накатывала густой синей волной прямо из леса, заползала в окна, ложилась по углам комнаты. По крыше вдруг дробно и резко застучали первые капли дождя. Ветер завыл в печной трубе протяжно, на одной ноте. Дом будто бы вздохнул и устроился поудобнее на своем фундаменте.

Дед Матвей зажег над столом лампу с большим абажуром, который отбросил уютный теплый круг света на скатерть, оставив остальную комнату в полумраке. Он сел за стол, положил перед собой брусок, оказавшийся куском липы, и принялся неспешно снимать с него тонкие, закручивающиеся спиралью стружки.

Ших-ших, — пел нож, срезая дерево. *Кап-кап-кап*, — вторила ему вода, стуча по жестяному подоконнику.

Варя, забыв про «котенка» за печкой, подошла к столу и, подперев щеки кулачками, завороченно уставилась на руки деда. — Что это будет, дедушка? — спросила она полупшепотом. — А это уж как древесина попросит, Варюша, — так же тихо, певуче ответил дед Матвей. Голос его странным образом изменился. Стал мягче, глубже, словно слился с шумом дождя за окном. — Дерево — оно ведь тоже живое. Оно свою форму прячет внутри. Мое дело — только лишнее убрать. Главное — не торопиться. Поспешешь — мастера насмешешь, да и вещь обидишь.

Даня, наконец нашедший розетку за тумбочкой, воткнул зарядку и, присев на корточки, стал ждать, когда загорится экран. Телефон молчал. Мальчик пошевелил провод. Ничего. — Блин, розетка не работает! — в сердцах воскликнул Даня, нарушив уютную тишину.

Ших-ших, — нож деда замер.

В углах комнаты будто стусились тени. Половица под ногами Дани вдруг громко, недовольно скрипнула, хотя мальчик даже не шевельнулся.

Дед Матвей медленно отложил нож. Посмотрел на Даню долгим, немигающим взглядом. — Ты, Даниил, словами-то такими в этом доме не бросайся, — произнес он совершенно спокойно, но у Дани по спине пробежал странный холодок. — Блины мы с вами завтра испечем, со сметаной. А ругаться в пустоту не надо. В старых домах пустоты не бывает. В каждом углу — свои уши.

— Какие уши? — Даня нервно сглотнул, пытаясь включить скептика. — Дед, ну ты чего, пугаешь нас? Я просто расстроился, что зарядка сломалась. Физика, ничего личного. Контакты окислились.

Дед Матвей усмехнулся в бороду, и напряжение в комнате тут же спало, как лопнувший мыльный пузырь. — Физика — наука хорошая. Уважительная, — кивнул старик, пододвигая к себе заварочный чайник. — Но только здесь, внучок, одной физики мало. Дом этот старый. Он три поколения нашей семьи вырастил. Он и плакал с нами, и смеялся. Он всё помнит.

Дед бросил в пузатый глиняный чайник горсть сухих трав из полотняного мешочка. По комнате тут же поплыл густой, терпкий аромат — пахло нагретым на солнце лугом, медом и чуть-чуть горькой полынью. Дед залил травы кипятком из самовара. Вода зашипела, выпустив облачко белого пара, которое на секунду приняло форму маленького человечка в смешной шапке, а затем растаяло. Варя ахнула и потерла глаза.

— Садитесь чай пить, городские, — ласково пригласил дед Матвей, разливая золотистый напиток по керамическим чашкам. — А электричество твое, Даня, никуда не делось. Просто вещи иногда устают от суеты. Им тоже отдых нужен. Как и людям.

Даня хмыкнул, поднялся с колен, оставив телефон подключенным к сети — авось «отдохнет» и заработает. Он сел за стол напротив Вари. Чай оказался обжигающим, но удивительно вкусным, сладковатым даже без сахара. В животе разлилось приятное тепло. Дождь за окном уже не казался унылым, он словно отгораживал этот дом, этот островок света от всего остального мира, создавая безопасный, уютный кокон.

— Дедушка, — Варя подула на чай, — а ты сказал, что дом живой. И что пустоты не бывает. Значит, тот мохнатый за печкой — это не мышь?

Даня закатил глаза, но промолчал. Ему вдруг очень захотелось услышать ответ.

Дед Матвей отпил из своей чашки, погладил большим пальцем резной узор на липовом бруске, который потихоньку начал приобретать очертания маленькой совы. — В мире, Варюша, много такого, что глазам не сразу открывается, — протяжно, на распев начал дед. Его слова потекли, как ручеек по камешкам. — Люди привыкли всё мерить метрами да килограммами. А как измерить уют? Как взвесить тревогу? Дом — это не просто бревна да гвозди. Это сосуд. Чем ты его наполняешь, тем он и дышит. Если руганью да злобой — сгниют половицы, крыша протечет, а в углах черная плесень заведется. А если миром да уважением — дом стоять будет веками. И сам тебе помощником станет. А за порядком тут смотреть надобно. И есть кому смотреть

Даня хотел было сказать что-то про законы термодинамики и долговечность древесины, обработанной антисептиком, но слова почему-то застряли в горле.

В этот момент в дальнем темном углу комнаты, там, где лежали сумки, раздался тихий, но совершенно отчетливый звук. *Шурх-шурх-шурх*. Словно кто-то маленький, в мягких валенках, быстро перебежал от одной сумки к другой.

Даня вздрогнул. Варя округлила глаза и схватила брата за рукав. — Биология, говоришь? — тихонько хмыкнул дед Матвей, не отрываясь от своей деревянной совы. — Ну-ну. Посмотрим, как твоя биология завтра свои носки искать будет.

Даня скосил глаза на розетку. Экран телефона, мертвого уже несколько часов, вдруг на долю секунды мигнул тусклым белым светом, показав иконку пустой батареи, и снова погас. А штекер зарядного устройства, который Даня точно вставлял до упора, теперь наполовину торчал из гнезда, будто кто-то аккуратно, но настойчиво выталкивал его из стены.

— Пейте чай, дети, — тепло улыбнулся дед, сдувая древесную пыльцу со стола. — Ночь сегодня будет спокойная. Вы дома.

Глава 2. Обустройство.

После того как в пузатом глиняном чайнике не осталось ни капли волшебного травяного настоя, а за окном окончательно сгустилась чернильная, непроглядная деревенская ночь, дед Матвей хлопнул ладонями по коленям. Звук получился гулким и веским, словно удар деревянного молоточка, закрывающего важное собрание.

— Ну что, путешественники, чай погоняли, с дороги дух перевели, пора бы и честь знать. Дом вас принял, обогрел, теперь нужно каждому свое место найти, чтобы сон был крепким, а утро — ясным. Берите свои котомки да пойдемте горницу делить.

Даня, чьи веки после сытного чаепития с медом уже начинали предательски слипаться, тяжело вздохнул. В городе всё было просто и понятно: вот твоя комната, вот кровать из «Икеи», вот рабочий стол с компьютером, а вот — самое главное — удлинитель на шесть розеток с защитой от перепадов напряжения. Здесь же, в этом пропахшем сушеными яблоками и старым деревом доме, всё казалось пугающе непривычным.

Мальчик подхватил свой тяжелый рюкзак, в котором покоилось целое состояние из гаджетов, зарядок, запасных проводов и мощного повербанка, и поплелся следом за сестрой и дедом.

Они прошли через небольшие сени, где пахло березовыми вениками и сыростью, и оказались в просторной задней комнате, которую дед называл чудным словом «светелка». Хотя какая уж там светелка вечером — комната тонула в густых, бархатных тенях. Дед Матвей щелкнул выключателем на стене, и под потолком загорелась лампочка в стеклянном плафоне, похожем на перевернутый колокольчик. Свет был мягким, желтоватым и каким-то очень домашним.

Даня огляделся. Комната была огромной. Стены здесь не были оклеены обоями — это были настоящие, массивные, отесанные бревна, потемневшие от времени до цвета крепкого кофе. Вдоль бревен тянулись едва заметные трещинки, похожие на морщинки на лице доброго старика. На полу лежали длинные, полосатые тканые коврики-половики. Они были яркими, пестрыми, сотканными из тысяч переплетенных лоскутков, и оттого казались похожими на длинные цветные реки, текущие по деревянному руслу пола.

Но главным в комнате было не это. Главным сооружением, царившим в пространстве и подчиняющим себе всё остальное, была задняя стенка огромной русской печи. Она выходила сюда из главной горницы широким беленым боком. В печи были устроены маленькие ниши — печурки, в которых лежали сухие варежки, какие-то клубки шерсти и пучки незнакомых Дане трав.

Варя, едва переступив порог, даже рюкзачок свой на пол выронила. Ее глаза загорелись, как две маленькие звездочки. Она, словно замороженная, пошла прямо к белоснежному теплему боку печи. Рядом с ней стояла невысокая, широкая деревянная кровать с резными спинками, украшенными точеными балясинами.

— Ой — выдохнула девочка, благоговейно проводя ладошкой по шероховатой, еще хранившей слабое тепло беленой глине. — Деда, а она живая? Она как будто дышит!

— Дышит, Варюша, а как же, — тепло улыбнулся дед Матвей, ставя на стол керосиновую лампу — так, для красоты и уюта. — Печь — она в доме всему голова. И кормилица, и лекарь, и страж. Она жар берет, а потом потихоньку, по капельке дому отдает. Чтобы ни один угол не замерз. Ну что, приглянулась тебе эта кроватка?

— Очень! — Варя с разбегу запрыгнула на матрас, который тут же отозвался мягким, уютным скрипом пружин. — Я буду спать здесь! Тут так тепло и пахнет как будто хлебушком и сказкой! И я отсюда буду видеть в окно луну!

Даня только фыркнул, опуская свой рюкзак на пол. — Сказкой ей пахнет. Это побелка и пепел, Варя. Обычные химические элементы и продукты горения. И вообще, луны сегодня нет, тучи всё закрыли.

Он повернулся к деду, всем своим видом выражая деловой подход современного человека, оказавшегося в экстремальных условиях. — Так, ладно. С кроватью для мелкой разобрался. А мне где дислоцироваться? Мне нужно стратегически важное место.

Дед Матвей с интересом склонил голову набок, засунув руки за пояс. — Это какое же такое стратегическое? Чтобы к двери поближе, если бежать надумаешь? Или чтобы в окно сподручнее было смотреть, не идут ли татары?

— Какие татары, дед? — Даня страдальчески закатил глаза. — Мне нужна розетка! Стабильный источник переменного тока! У меня телефон сел в ноль, планшет на пятнадцати процентах, а еще повербанк заряжать надо, чтобы завтра в лес пойти и там хоть по компасу ориентироваться, раз GPS тут, как я понимаю, тоже ловит через раз.

Дед усмехнулся в бороду, и морщинки у его глаз собрались в добрые лучики. — Розетка, говоришь Ну, ищи своего электрического зверя. Вон, у стены, где книжный шкаф стоит, кровать широкая. И там же внизу твой этот источник тока прячется. Посмотри, подойдет ли.

Даня, вооружившись телефоном, который сейчас служил лишь бесполезным куском стекла и пластика, двинулся к указанному месту. Кровать там действительно стояла добротная, застеленная строгим клетчатым пледом. Рядом с ней пристроилась старая, покрытая темным лаком тумбочка с изящной металлической ручкой на ящике.

Мальчик опустил на колени, отодвинул край тканого коврика и заглянул за тумбочку. — Бинго! — радостно воскликнул он, обнаружив на потемневшем бревне заветную белую коробочку. Но радость его длилась ровно полторы секунды.

Даня присмотрелся, потрогал розетку пальцем и издал звук, похожий на стон раненого бегемота. — Де-е-ед Это что такое? Это же музейный экспонат!

— Чего кричишь, как ошпаренный? — удивился дед Матвей, подходя ближе. — Розетка как розетка. Работает исправно. Я в нее радио включаю, когда новости слушать охота.

— Она же советская! У нее дырки узкие! — Даня в отчаянии вытащил из кармана рюкзака свой современный, массивный блок питания для быстрой зарядки. Вилка на нем была толстой, европейского стандарта. Мальчик попытался воткнуть ее в розетку. Вилка уперлась в узкие отверстия и внутрь не пошла, как бы Даня ни пытался.

— Не лезет! — трагическим шепотом констатировал Даня, усаживаясь на пол прямо по-турецки и сжимая в руках свой бесполезный блок питания. — Всё. Это конец. Мы отрезаны от цивилизации. Я даже не смогу посмотреть, какая завтра погода.

Варя, уже успевшая достать из своего рюкзака любимую пижаму с единорогами, хихикнула с кровати у печки: — А ты в окно посмотри, Дань! Если мокро — значит дождь, если сухо — значит солнце! Дедушка, правда же?

— Истину глаголешь, внучка, — кивнул дед Матвей, а потом посмотрел на приунывшего внука. — Ну, не кручинься, инженер. Есть у меня переходник. С толстого на тонкое, как раз для таких вот городских приборов. В кладовке лежит. Сейчас постели вам соберу и принесу твой спасательный круг.

Даня с облегчением выдохнул. Катастрофа откладывалась. Он принялся обустривать свое «рабочее место». Дело это было для Дани архиважным. Он не мог просто бросить вещи как попало. У него была Система. Тумбочка у кровати идеально подходила под роль контрольного пункта.

Мальчик сдул с ее полированной поверхности невидимую пылинку. Затем достал из рюкзака влажную салфетку и педантично протер дерево. — Так, — бормотал он себе под нос, выстраивая предметы. — Сюда кладем наушники. Ровно по краю. Сюда — повербанк. Провод сворачиваем колечком, чтобы не перегнулся.

Он выложил на тумбочку свой драгоценный телефон — флагманскую модель, купленную родителями за отличное окончание шестого класса. Телефон лег точно по центру, экраном вверх, образуя идеальную параллель с краем тумбочки. Рядом легли смарт-часы. Даня отошел на шаг, полюбовался своим творением. Идеальный порядок. Никакого хаоса. В этом странном, скрипучем доме с его непонятными запахами и пугающей темнотой за окном этот маленький уголок высоких технологий был его крепостью, его островком стабильности.

Тем временем дед Матвей вернулся из коридора. В руках он нес высокую стопку постельного белья. И стоило ему только переступить порог комнаты, как запахи в ней неувовимо изменились.

Даня даже носом шмыгнул, принюхиваясь. Запах был поразительным. Пахло не стиральным порошком «Альпийская свежесть» и не кондиционером для белья. Пахло настоящим, кусачим зимним морозом, ветром, просушенным на летнем солнце сеном и чуть-чуть — сушеной лавандой.

— Ну-ка, ребятки, посторонись. Постель стелить — дело не терпящее суеты. Это вам не мешок спальный расстелить, — приговаривал дед, подходя к Вариной кровати.

Он сбросил покрывало и положил на матрас тяжелую, пухлую перину. Вбил ее так, что по комнате полетели невидимые пушинки, а сама перина поднялась, как дрожжевое тесто. Сверху легла льняная простыня, плотная, чуть жестковатая, но такая чистая, что казалась светящейся в полумраке комнаты.

Варя завороченно смотрела, как дед ловко заправляет углы, как надевает наволочку на огромную, квадратную подушку, в которой можно было утонуть с головой, и как расстилает тяжелое одеяло из верблюжьей шерсти, заправленное в белоснежный пододеяльник с вырезом посередине.

— Знаете, почему в старину к выбору места для сна относились строже, чем к выбору невесты? — вдруг спросил дед Матвей. Голос его снова неувовимо изменился. Исчезли бытовые нотки, речь стала размеренной, тягучей, как мед, стекающий с ложки.

Атмосфера в комнате мгновенно сгустилась. Дождь за окном припустил с новой силой, барабания по стеклам, словно просился внутрь послушать дедову историю. Даня, собиравшийся было напомнить про переходник, вдруг замер, прислонившись спиной к прохладному бревенчатому пазу стены.

— Почему? — шепотом спросила Варя, подтягивая коленки к подбородку.

Дед Матвей закончил с Вариной кроватью, аккуратно разгладил невидимую складочку на одеяле и присел на краешек скрипнувшего табурета у окна. — А потому, — начал он, глядя на пляшущее пламя в стеклянной колбе керосиновой лампы, которую он всё-таки зажег и поставил на подоконник, — что человек во сне — он как открытая дверь. Беззащитен перед миром. И где ты эту дверь откроешь, кто в нее заглянет, от того и зависит, с какой ногой ты поутру встанешь.

Дед взял в руки Варину подушку и еще раз легонько взбил ее ладонью. — Вот ты, Варюша, место у печи выбрала. Это место светлое, теплое. Печь в доме — это сердце. А вокруг сердца кто живет? Тепло да забота. За печкой, бывает, и сам Хозяин отдыхает.

— Тот мохнатый, с глазками? — тут же встрепенулась девочка.

— Может и мохнатый, может и невидимый, — уклончиво ответил старик. — Дом наш старый, он живой. У него свои порядки есть. И если ты к нему с добром, с уважением, то и он тебя как дитя малое укроет. А вот ежели человек приходит злой, с камнем за пазухой, да если еще бросает вещи где попало, словно он тут царь и бог Ох, не любит этого старый дом.

Даня нервно покосился на свою тумбочку. С его вещами был полнейший порядок. Всё лежало под прямым углом. Значит, к нему у дома претензий быть не должно.

— Дед, это всё сказки для маленьких, — попытался возразить Даня, хотя голос его прозвучал не так уверенно, как ему хотелось бы. — Люди плохо спят из-за геомагнитных бурь,

духоты или если на ночь переедят. А не из-за того, что их какой-то невидимый хозяин не невзлюбил.

Дед Матвей перевел взгляд на внука. Глаза старика в неровном свете керосиновой лампы казались совсем темными, глубокими, как два лесных омута.

— Сказки, говоришь? — дед усмехнулся, но как-то без веселья. — Был тут один случай, давно уж. Приехал к моему прадеду в гости купец один из города. Важный такой, в сапогах хромовых, с часами на золотой цепочке. Зашел в дом, шапку не снял, порог сапогами грязными обтоптал. Подали ему ужин, а он носом крутит, каша ему, видишь ли, несладкая. А потом спать завалился. И не куда-нибудь, а в самый темный угол, где у нас сундуки стояли. Прадед ему говорит: «Не ложись там, мил человек, там место беспокойное, перекресток сквозняков, да и вещи там старые лежат, свою память хранят. Ложись поближе к свету».

Дед сделал паузу. В комнате повисла такая тишина, что Даня отчетливо услышал, как в дальнем углу, за книжным шкафом, вдруг мерно и сухо щелкнуло дерево, словно кто-то переступил с ноги на ногу. Мальчик вздрогнул.

— А купец тот, — продолжил дед Матвей, понизив голос до бархатного, заволашевающего шепота, — только рассмеялся. «Я, — говорит, — в ваши деревенские бредни не верю. Где хочу, там и ложусь. Я за постой монетой плачу!» Скинул сапоги свои грязные, один в один угол пнул, другой — под лавку зашвырнул, одежду комом на сундук бросил и захрапел богатырским сном.

Варя сидела ни жива ни мертва, ловя каждое слово. Даня тоже невольно подался вперед. — И что? Что случилось ночью? — спросила девочка, широко открытыми глазами глядя на деда.

— А ночью, — дед Матвей медленно провел ладонью по своей седой бороде, — началась Навь. Слышит прадед сквозь сон, что купец мечется, стонет, будто его кто душит. А потом как заорет дурниной! Подскакивает прадед, зажигает лучину, бежит к нему. А купец сидит на полу, бледный как полотно, зубами стучит, а на груди у него

Дед резко замолчал. — Что на груди? — пискнула Варя. — Что? — одновременно с ней не выдержал Даня, забыв про свой скептицизм.

— А на груди у него след от маленькой, мохнатой ладошки. Из сажи, — тихо, но очень веско закончил дед. — И сапогов его нигде нет. Искали-искали — как сквозь землю провалились. Купец тот наутро пешком в город ушел, в одних носках, только бы в доме не оставаться. А сапоги потом весной на чердаке нашлись. Аккуратно так стояли, почищенные, блестящие, песочком набитые. Вот тебе и геомагнитные бури, Даниил. Дом — он живой. Он уважение любит. И порядок. Где вещь положил с почтением, там она и лежать будет. А бросишь с пренебрежением — не обессудь, если Хозяин ее к рукам приберет на воспитание.

Даня сглотнул. Он посмотрел на свою тумбочку. Телефон, наушники, часы, повербанк. Всё лежало идеально. Он ничего не бросал. Он проявил максимальное уважение к пространству тумбочки! Ему бояться нечего. Это просто жутковатая байка на ночь, чтобы дети вели себя тихо.

— Так, ладно, страшилки страшилками, а спать пора, — вдруг совершенно будничным, своим обычным голосом сказал дед Матвей, поднимаясь с табурета. Морок растворился. Снова стало просто уютно и тепло. — Давай-ка, Даня, я тебе кровать постелю. И вот, держи свой переходник.

Дед вынул из кармана штанов и протянул мальчику старый, потрескавшийся пластиковый цилиндр. Даня схватил его как величайшее сокровище мира.

Он быстро воткнул переходник в старую розетку, затем вставил свой массивный блок питания. Затаив дыхание, он подсоединил длинный белый провод к телефону. Экран мигнул, вспыхнул, и на нем появилась долгожданная зеленая батарейка и надпись: «Быстрая зарядка: 1%».

— Йес! — прошептал Даня, чувствуя, как от сердца отлегло. Цивилизация возвращалась. Он жив. Он спасен.

Он аккуратно положил телефон обратно на тумбочку, точно на то же самое место, выровняв его параллельно краю. Сверху, на экран, положил наушники. Повернулся к деду, который уже закончил застилать вторую кровать.

— Спасибо, дед. И за переходник, и за постель. — Спокойной ночи, внучата, — дед Матвей подошел к двери. — Спите. Утро вечера мудренее. Варя, если замерзнешь, одеяло поглубже натягивай. Даня, если свет в окно мешать будет, шторку задерни. И помните, что я вам сказал: в этом доме у каждой вещи свое место есть.

Он щелкнул выключателем. Комната погрузилась в мягкий полумрак, освещаемый теперь лишь слабым, золотистым светом керосиновой лампы на подоконнике и пульсирующим зеленым огоньком на блоке питания Дани.

Варя нырнула под тяжелое верблюжье одеяло, свернувшись калачиком, и почти мгновенно засопела. Ее дыхание стало ровным и спокойным. Печь отдавала ей свое мягкое тепло, убаюкивая лучше любой колыбельной.

Даня тоже забрался в постель. Простыни пахли морозом и деревней — непривычно, но почему-то очень приятно. Он лежал на спине, глядя в темный бревенчатый потолок, и слушал шум дождя.

В голове крутились мысли об отсутствии интернета, о дедовых сказках про мохнатого Хозяина и купца в одних носках. «Бред какой-то, — подумал Даня, поворачиваясь на бок и глядя на свою тумбочку. — Физика, химия, биология. Вот как устроен мир. А всё остальное — это просто человеческая фантазия, чтобы объяснить непонятное».

Он бросил последний взгляд на тумбочку, освещенную слабым светом от окна. Его вещи лежали там идеально ровно. Телефон был подключен к зарядке. Экран был темным. Всё было под контролем.

Даня закрыл глаза. Усталость долгого пути наконец-то взяла свое, навалившись тяжелой, теплой волной, и мальчик провалился в сон.

Он уже не мог видеть, как в дальнем углу комнаты, там, где лежали его сброшенные джинсы и смятая футболка, тени стали чуть гуще. И он не видел, как длинный белый провод зарядного устройства, идущий от стены к тумбочке, вдруг едва заметно дернулся. Словно кто-то маленький и невидимый, проходя мимо, легонько зацепил его мохнатой лапкой.

Раздался едва слышный шорох. А затем в комнате снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным дыханием спящих детей и шорохом дождя за старым, деревянным окном.

Глава 3. Катастрофа первого вечера.

Утро в деревне наступает совершенно не так, как в городе. В городе утро — это всегда насилие. Это резкий, как пощечина, звонок будильника, визгливый гудок мусоровоза под окнами, гул водопроводных труб и серый свет, с трудом пробивающийся сквозь смог и жалюзи.

В Лихолесье утро приходило на цыпочках. Сначала оно окрашивало бревенчатые стены в нежный персиковый цвет. Затем запускало в комнату прохладный ветерок, пахнувший росой, мокрой крапивой и почему-то свежими огурцами. И только потом включало звук: где-то вдалеке, словно пробуя голос, хрипловато кукарекал петух, в саду заливалась щебетом какая-то ранняя птаха, а за стеной, в горнице, уютно и мерно потрескивали березовые поленья в печи.

Даня вынырнул из сна медленно, словно поплавок из глубокой воды. Ему снилось что-то странное: будто он играет в свою любимую стратегию на телефоне, но вместо пиксельных рыцарей по экрану бегают маленькие мохнатые человечки в лаптях и строят крепость из сушеных яблок.

Мальчик сладко потянулся. Теплое верблюжье одеяло казалось уютным коконом, из которого совершенно не хотелось вылезать. Дышалось здесь удивительно легко. Нос не закладывало, как это часто бывало в городской квартире из-за сухого воздуха батарей.

«Надо посмотреть время», — лениво подумала Данина левая рука и, подчиняясь многолетнему рефлексу, привычно потянулась в сторону тумбочки.

В городе этот жест был отработан до автоматизма. Рука опускается на гладкую поверхность ДСП, пальцы нащупывают прохладный стеклянный прямоугольник, нажимают боковую кнопку, и мир сразу становится понятным: время, погода, количество новых сообщений в мессенджере.

Но сейчас всё пошло не по сценарию.

Пальцы скользнули по шероховатой, покрытой старым лаком поверхности деревянной тумбочки. Наткнулись на что-то мягкое и путанное — наушники. Сдвинулись правее, задели холодный металлический корпус смарт-часов. Еще правее — тяжелый кирпичик повербанка.

А дальше была пустота.

Сон слетел с Дани в ту же секунду, будто на него вылили ушат ледяной колодезной воды. Он резко сел на кровати, отбросив тяжелое одеяло. Глаза распахнулись.

На тумбочке, освещенной робкими лучами утреннего солнца, царил идеальный порядок. Тот самый порядок, который Даня с маниакальной точностью навел вчера вечером. Часы. Наушники. Повербанк. Но в самом центре, там, где должна была лежать главная ценность его цифровой жизни — флагманский смартфон с памятью на 256 гигабайт и тройной камерой, — зияла пустая деревянная проплешина.

— Чего-о-о? — хрипло пробормотал Даня.

Сердце екнуло и забилось где-то в горле. Он моргнул раз, другой, словно надеясь, что это какой-то оптический обман, баг матрицы или остаточный морок деревенского сна. Но телефон не материализовался.

Даня свесился с кровати. Первая мысль была самой логичной: упал. Зацепил во сне рукой провод, и тяжелый аппарат съехал с полированной поверхности на пол.

Мальчик опустился на колени, не обращая внимания на то, что широкие половицы обжигают пятки утренним холодком. Он отодвинул край полосатого половика. Заглянул под кровать. Там, в полумраке, не было ничего, кроме пушистого серого комка пыли, который от Даниного дыхания лениво перекатился поближе к стене.

Даня перевел взгляд на розетку. То, что он увидел, заставило его нахмуриться еще сильнее. Переходник, выданный дедом Матвеем, по-прежнему торчал в стене. В него был плотно вставлен массивный блок питания. А вот белый провод Провод лежал на полу, свернувшись

небрежной петлей. Штекер, который должен был находиться в гнезде зарядки телефона, сиротливо поблескивал на утреннем солнце.

Даня поднял провод. Он не был порван. Он не выглядел так, будто его резко дернули, сбросив телефон на пол. Он выглядел так, словно кто-то аккуратно, двумя пальчиками, вытащил его из устройства и положил рядом.

— Бред. Полный бред, — зашептал Даня, чувствуя, как внутри закипает паника.

Он вскочил на ноги и принялся лихорадочно обшаривать комнату взглядом. Может, он вставал ночью в туалет и переложил его? Нет, он спал как убитый, даже снов почти не помнил, кроме тех мохнатых рыцарей. Может, Варя?

Даня посмотрел на сестру. Варя спала на своей кровати у печки. Девочка свернулась калачиком, обняв обеими руками подушку, и тихо, безмятежно посапывала. Одеяло сползло на пол, обнажив розовую пижаму с единорогами. Никаким телефоном там и не пахло. Будить ее и устраивать допрос сейчас было бессмысленно — она явно видела десятый сон.

Даня запустил руки в волосы. Дыхание участилось. Для современного подростка потерять телефон — это не просто лишиться куска пластика и железа. Это как потерять орган чувств. Там было всё: контакты, переписки, сохранения в играх, фотографии с прошлых каникул, скачанная музыка. А главное — это был подарок родителей. Дорогой подарок. Папа убьет его, если узнает, что Даня посеял флагман в первый же вечер.

— Спокойно. Без паники. Включаем логику, — скомандовал сам себе Даня. — Вещи не умеют ходить. У них нет ног. Гравитация работает только вниз. Значит, он где-то здесь.

Он еще раз, теперь уже методично, как полицейский при обыске, осмотрел зону вокруг тумбочки. Заглянул в ящик — пусто, только старая газета с кроссвордами. Похлопал по матрасу, перетряхнул одеяло, взбил подушку. Ничего.

Даня перевел взгляд в дальний угол комнаты. Туда, куда он вчера, раздеваясь в темноте, небрежно швырнул свои городские вещи: джинсы, толстовку и смятую футболку.

Вещи лежали именно так, как он их оставил — неряшливой кучей. Но почему-то эта куча сейчас показалась ему какой-то сиротливой. Словно она с укором смотрела на него из полумрака угла. Мальчик подошел, пнул джинсы ногой, проверил карманы. Пусто.

Дверь в горницу была приоткрыта. Оттуда тянуло невероятно вкусным запахом. Пахло жареным маслом, топленым молоком и сладким тестом. Запах был таким густым и домашним, что в животе у Дани немедленно заурчало, на секунду перебив даже панику от пропажи гаджета.

Он толкнул дверь и вышел из светелки.

В горнице было светло и солнечно. Окно, выходящее на восток, было распахнуто настежь, пуская в дом утреннюю свежесть и гомон птиц. Дед Матвей стоял у печи. На нем был длинный, чистый льняной фартук. В руках дед держал ухват с длинной деревянной ручкой, которым ловко подцеплял тяжелую чугунную сковородку и отправлял ее в огненное зеву печи. На столе уже высилась стопка золотистых, кружевных блинов, от которых поднимался легкий парок.

Дед не выглядел как человек, который способен ночью тайно похищать электронные устройства у своих внуков. Он выглядел как ожившая иллюстрация к сборнику русских сказок.

— А, проснулся, городской житель? — густым, добрым басом поприветствовал дед Матвей, не оборачиваясь. Удивительно, как он почувствовал присутствие Дани за спиной. — С добрым утром. Как почивалось на новом месте? Не давили ли бока перины деревенские?

— Дед, — севшим голосом сказал Даня, подходя к столу. — У нас ЧП. Катастрофа.

Матвей сноровисто вытащил сковороду, перевернул блин деревянной лопаточкой, отчего тот шкваркнул и покрылся мелкими пузырями, и только потом посмотрел на внука. Брови его слегка поползли вверх, но в глазах плясали смешинки.

— ЧП, говоришь? Крыша прохудилась? Медведь корову у соседей задрал? Или, не дай бог, колодец пересох?

— Хуже, — трагически выдохнул Даня, опираясь руками о стол. — У меня пропал телефон.

Дед Матвей поставил сковороду на шесток, снял фартук и подошел к столу. Он налил из пузатого кувшина в кружку густого, холодного молока и пододвинул внуку. — Выпей-ка молочка, Даниил. Успокаивает. А то ты бледный, как полотно нестиранное.

— Да какое молоко, дед! — Даня всплеснул руками, чувствуя, как его охватывает отчаяние от непонимания масштабов трагедии со стороны старшего поколения. — Ты не понимаешь! Он стоит кучу денег! И там вся моя жизнь! Я его вчера вечером положил на тумбочку. Ровно посередине. Параллельно краю. Поставил на зарядку. А утром просыпаюсь — шнур вытащен, а телефона нет! Как корова языком слизала!

Дед Матвей хмыкнул, присел на лавку и медленно пригладил бороду. — Корова, говоришь, языком Коров у нас в доме отродясь не бывало, хлев для того есть. А вот насчет «положил ровно», это ты молодец. Это правильно. Вещи порядок любят.

— Вот именно! — обрадовался Даня, что его хоть в чем-то поддержали. — У меня там идеальный порядок был! Часы к часам, провод к проводу. Никакого хаоса. Он же лежал прямо здесь! На самом видном месте! Куда он мог деться в закрытой комнате? У вас тут что, воры по домам лезят?

Дед рассмеялся. Смех у него был мягкий, раскатистый, похожий на гром в начале мая. — Воры? В Лихолесье? Да у нас заборы только от коз ставят, чтоб в огород не лезли. Двери сроду никто на замок не запирает, только на щеколду от ветра. Некому у нас воровать, Даня. Чужие здесь не ходят, а свои чужого не возьмут.

— Но телефон-то исчез! — упрямо гнул свою линию Даня, меряя шагами кухню. — Значит, кто-то его взял. Это физика. Объект не может просто исчезнуть в пространстве. Закон сохранения массы! Если его нет на тумбочке, значит, его кто-то переместил. Ты его брал?

Дед Матвей посмотрел на внука чуть строже, но без злобы. — Зачем мне твоя стекляшка светящаяся? Я и кнопок-то на ней не разберу. Мне моего кнопочного «кирпича» хватает, чтобы вам в город звонить. Нет, Даня, я твою вещь не трогал.

— Значит, Варя, — уверенно констатировал Даня. — Точно она. Проснулась ночью, решила поиграть в свои дурацкие фермы, взяла и где-то уронила.

— Варя твоя спит без задних ног, — покачал головой дед. — Я как в пять утра встал печь топить, так она даже не пошевелилась. Никуда она не вставала.

Даня остановился посреди комнаты. В голове крутились шестеренки, пытаясь выстроить логическую цепочку, но цепочка рвалась на самом интересном месте. Комната закрыта. Дед не брал. Варя спит. Оконные рамы старые, с двойным стеклом, закрыты на тугие шпингалеты — с улицы не пролезешь. Мыши телефоны не воруют, им стекло не по зубам.

— Значит, у меня галлюцинации, — обреченно пробормотал мальчик и плюхнулся на табуретку, обхватив голову руками. — Или лунатизм. Может, я сам встал и куда-то его засунул?

Дед Матвей налил себе чаю, пододвинул к Дане тарелку с горячими блинами и поставил рядом небольшую глиняную плошку с густой, желтоватой сметаной. Запах стоял такой, что желудок Дани издал предательски громкий звук, требуя перемирия.

— Ты поешь сначала. На голодный желудок мысли худые в голову лезут, — мягко сказал старик. — А насчет телефона твоего Я ведь тебе вчера говорил, Даня. Дом наш — живой. Он порядок любит.

— Да какой порядок?! — Даня чуть не подпрыгнул на табуретке. — Я же говорю, у меня на тумбочке всё по линейке выложено было! Я пыль протер!

Дед Матвей отпил чаю, прищурился, глядя в окно на залитый солнцем двор. — Порядок, внучок, он не только в том, чтобы коробочки ровно выставить. Механический порядок, холодный — это для роботов ваших хорошо. А для дома порядок — это уважение к месту и к вещам. Ты вот стекляшку свою выложил, пылинки с нее сдул. А штаны свои где бросил?

Даня запнулся. — В углу — пробормотал он. — А что такого? Я всегда так вещи бросаю. Это моя комната.

— В городе — может, и твоя, — певуче, возвращаясь к своему вчерашнему тону, произнес дед. — А здесь ты — гость. Угол тот, куда ты вещи швырнул, комком скомкал да ногой притоптал — угол не простой. Это угол темный, там вещи отдыхать должны. А ты к своей одежде, которая тебя греет, небрежение выказал. Зато над бездушной игрушкой трясешься, как Кощей над золотом.

Даня нахмурился, чувствуя, как внутри закипает протест современного, образованного человека против дремучих суеверий. — Дед, ты хочешь сказать, что дом обиделся на меня за брошенные джинсы и в отместку спер мой телефон?! Это же бред! Дома не умеют обижаться! У них нет нервной системы!

В этот момент в светелке, где спала Варя, что-то с грохотом упало. Даня подскочил на месте.

Они с дедом поспешили в комнату. Варя сидела на кровати, потирая заспанные глаза, а на полу, рядом с печью, лежал перевернутый медный таз, который вчера вечером стоял у входа в чулан. — Ой, — сонно пробормотала девочка. — Он сам упал. Я просто потянулась, а он бабахнул.

Даня огляделся. Его взгляд снова упал на пустую тумбочку. Нет, он не сошел с ума. Телефон действительно пропал. И эта сказочная чушь про обиженный дом его совершенно не устраивала.

Мальчик расправил плечи и посмотрел на деда Матвея суровым, непреклонным взглядом детектива, выходящего на след преступника. — Ладно. Я понял. Мистика, домовые, живой дом. Очень интересно, — сухо сказал Даня. — Но я в пятом классе занял первое место на олимпиаде по логике и математике. Вещи не исчезают. Это физически невозможно. Если телефон не украли, значит, он находится в этой комнате. И я его найду. Я переверну здесь всё вверх дном, до последней пылинки. Я проведу логичный, последовательный обыск по методу дедукции Шерлока Холмса. И я докажу, что никакой магии не существует!

Дед Матвей стоял у косяка двери, скрестив руки на груди. В его зеленовато-серых глазах не было ни насмешки, ни злости. Только глубокое, многовековое спокойствие и едва уловимая хитринка.

— Ищи, сынок, ищи, — мягко сказал старик, поглаживая деревянный наличник. — Кто ищет, тот всегда найдет. Только смотри, как бы твой Шерлок Холмс в наших краях в трех соснах не заблудился. Потому что логика — она как фонарь: светит ярко, да только прямо перед собой. А что в тени прячется — того твой фонарь не осветит.

Даня решительно засучил рукава толстовки. Он был настроен серьезно. Катастрофа первого вечера должна была быть расследована и устранена. И никакие сказки старого дома ему в этом не помешают.

Глава 4. Метод дедукции Дани.

Завтрак прошел в напряженной обстановке. Точнее, напряженным был только Дания.

Варя уплетала золотистые блины с таким аппетитом, что за ушами трещало. Она щедро макала их в густую деревенскую сметану, запивала холодным молоком и болтала ногами под столом, совершенно не переживая о судьбе брата, оторванного от всемирной паутины. Дед Матвей неспешно пил свой травяной чай из огромной пузатой кружки, шурился на утреннее солнце, бьющее в окно, и время от времени смахивал крошки со своей окладистой бороды.

И только Дания жевал механически, уставившись невидящим взглядом в центр стола. В его голове, как в мощном процессоре, выстраивались алгоритмы, чертились схемы и высчитывались вероятности.

— Спасибо, бабушка, было очень вкусно! — звонко сказала Варя, вытирая губы бумажной салфеткой, которую Дания предусмотрительно привез из города. — На здоровье, стрекоза, — улыбнулся дед. — Расти большая да румяная. А ты чего, Даниил, приуныл? Блины остынут — вкус потеряют.

— Я не приуныл, — сухо ответил Дания, отодвигая тарелку. В его животе было тепло и сыто, но мозг требовал действий. — Я планирую. Любое успешное расследование начинается с грамотного планирования. Артур Конан Дойл писал, что отбрасывая всё невозможное, то, что останется, и будет истиной, какой бы невероятной она ни казалась.

Дед Матвей хмыкнул, пряча улыбку в усах. — Слова умные. Англичанин твой, видать, толковый мужик был. Да только он в наших лесах не бывал. У нас тут порой такое остается, что ни в одну книжку не впишешь. Ну, ступай, сыщик. Осматривай свои владения. Только смотри, домо кхм, мышей не распугай.

Дания решительно кивнул, спрыгнул с табуретки и направился в светелку.

Оказавшись в комнате, он закрыл за собой тяжелую деревянную дверь. Дверь скрипнула, звук получился протяжным и каким-то вопросительным. Мальчик прислонился к шершавым доскам и окинул помещение цепким взглядом.

«Итак, что мы имеем, — мысленно начал рассуждать Дания, переходя в режим «Шерлока». — Дано: закрытая комната. Площадь примерно двадцать квадратных метров. Два окна. Оба закрыты на старые советские шпингалеты, покрытые тремя слоями белой краски. Краска не повреждена, значит, снаружи никто не проникал. Дверь одна. Вечером объект находился на тумбочке, подключенный к источнику питания. Утром объект отсутствует, кабель отсоединен. Версия о краже посторонними лицами отбрасывается за неимением путей отхода. Версия о причастности родственников маловероятна, но требует проверки. Версия о мистическом вмешательстве Хозяина дома — антинаучный бред».

Дания потер руки. Он обожал логические задачки. В школе он шелкал их как орешки. Найти пропавший телефон в четырех стенах — дело техники.

Он решил разделить комнату на три поисковых сектора: Сектор А (его кровать и тумбочка), Сектор Б (вещи и шкафы), Сектор В (территория сестры и печь).

Сектор А: Эпицентр катастрофы.

Дания подошел к своей кровати. Он опустился на колени и принялся методично ощупывать пол. Широкие половицы, выкрашенные суриком, были прохладными и слегка неровными. Между ними темнели узкие щели.

Мальчик прищурился, пытаясь заглянуть в них. Ничего, кроме вековой пыли. Он отодвинул длинный домотканый половичок. Под ним тоже было пусто. Дания лег на живот и заглянул под кровать. Там пахло старым деревом и почему-то сухими яблоками. В дальнем углу темнел какой-то предмет. Сердце Дании радостно екнуло. — Ага! — победно воскликнул он, вытягивая руку. Пальцы нащупали что-то твердое и гладкое. Он вытащил находку на свет.

Это был не телефон. Это был старый, деревянный кубик с выцветшей буквой «В». Даня разочарованно отбросил его в сторону.

Он поднялся и взялся за кровать. Он снял подушку, вытряхнул одеяло так сильно, что по комнате закружились пылинки, похожие в лучах солнца на крошечных танцующих мошек. Он снял простыню, добрался до тяжелого ватного матраса и даже приподнял его, заглядывая на деревянные рейки основания. Пусто.

Затем настала очередь тумбочки. Даня выдвинул ящик. Как и при первом беглом осмотре, там лежала только пожелтевшая газета за тысяча девятьсот лохматый год с неразгаданным кроссвордом и старая пуговица. Он вытащил ящик полностью, заглянул в пустое нутро тумбочки, проверил за ней, отодвинув ее от стены.

Телефон как сквозь землю провалился. Вернее, сквозь половицы.

Сектор Б: Темные углы.

Даня тяжело вздохнул, вытер вспотевший лоб рукавом толстовки и перешел ко второму этапу. Вдоль левой стены стоял массивный двухстворчатый шкаф, покрытый темным лаком, который местами потрескался, образуя узор, похожий на чешую гигантской рыбы.

Даня потянул за бронзовую ручку. Дверца поддалась с тяжелым скрипом, обдав мальчика густым запахом нафталина, сушеной лаванды и старой ткани. Внутри висели какие-то дедовские пальто, зимние тулупы и стопками лежали постельные принадлежности. Даня, чувствуя себя немного вандалом, принялся прощупывать каждый карман, каждую складку.

Он действовал системно: сверху вниз, слева направо. Его пальцы натыкались на жесткое сукно, мягкую фланель, колючую шерсть. В одном из карманов он нашел старую советскую монету — три копейки, в другом — высохший желудь. Но ни гладкого стекла экрана, ни холодного металла корпуса смартфона не было.

Он закрыл шкаф и повернулся к углу, про который утром говорил дед. К тому самому темному углу, где лежали небрежно сброшенные Данины вещи. Джинсы, толстовка и футболка валялись там унылой кучей.

«Механический порядок, холодный — это для роботов ваших хорошо А ты к своей одежде, которая тебя греет, небрежение выказал», — всплыли в памяти певучие слова деда Матвея.

Даня скривился. — Глупости, — пробормотал он вслух, словно пытаясь убедить самого себя. — Это просто тряпки. Они не могут ничего чувствовать. И уж тем более дом не мог из-за них обидеться.

Тем не менее, мальчик подошел к куче и, сам не зная почему, поднял джинсы с пола очень аккуратно. Он тщательно вывернул все четыре кармана. И даже маленький, пятый кармашек для мелочи. Пусто. Он поднял толстовку, встряхнул ее. Проверил капюшон. Смял футболку, убеждаясь, что внутри ничего не застряло.

Взглянув на вещи в своих руках, Даня на секунду задумался. Бросить их обратно на пол? Внутренний голос, почему-то подозрительно похожий на бас деда Матвея, шепнул: «Попробуй по-человечески».

Даня вздохнул, аккуратно сложил джинсы по швам, свернул толстовку и ровной стопочкой положил всё это на деревянный стул, стоявший неподалеку. Он почему-то ожидал, что в этот момент раздастся волшебный звон, и телефон материализуется прямо из воздуха, как награда за правильное действие в компьютерной игре.

Ничего не произошло. Только в углу за шкафом сухо и одиноко шелкнуло дерево, словно кто-то перекусил сухую ветку.

Сектор В: Территория сестры.

В этот момент дверь скрипнула, и в комнату заглянула Варя. Она уже успела умыться, ее волосы были заплетены в две тугие косички, а на лице блуждала мечтательная улыбка. — Дань, ты всё еще ищешь? — спросила она, забираясь с ногами на свою запроваленную кровать.

— Ищу. И я его найду, — упрямо ответил Даня, опускаясь на четвереньки возле Вариной кровати. — Подвисься. Мне нужно осмотреть периметр.

— Ты как собачка-ищейка из мультика, — хихикнула Варя. — Только хвоста не хватает. Дань, а может, он правда... того?

— Чего «того»? — огрызнулся мальчик из-под кровати, чихая от поднявшейся пыли. — Ну, обиделся и ушел. Или его спрятали. Дедушка же говорил, что у вещей тут свои порядки.

Даня вылез из-под кровати, сдул упавшую на глаза челку и посмотрел на сестру взглядом уставшего профессора, вынужденного объяснять первокласснику таблицу умножения. — Варя. У телефона нет ножек. У него есть литий-ионная батарея, процессор, дисплей и пластиковый корпус. Он подчиняется законам физики. Он не может «обидеться». Эмоции — это химические реакции в мозге живых существ. У телефона нет мозга!

Варя ничуть не обиделась на его лекцию. Она погладила рукой теплый белый бок печи. — Ну и что. А у печки тоже нет мозга. И у дома нет. Но они же живые. Я вот слышу, как печка дышит. Внутри у нее огонь гудит, как будто она мурлычет. Попроси у Хозяина прощения, может, он и отдаст.

— Кого просить? Невидимого мужика из сказок? — Даня всплеснул руками. — Я лучше еще раз всё обыщу!

Он принялся осматривать пространство вокруг печи. Он заглядывал в маленькие печурки, куда дед складывал вареники. Совал руку в узкую щель между печью и стеной, собрав на пальцы добрую порцию серой, мягкой паутины, но не обнаружив ничего похожего на гаджет.

Он проверил свой и Варин рюкзаки, выпотрошив их содержимое на пол. Учебники, которые мама заставила взять на лето, комиксы, запасные носки, зубные щетки, пакет с леденцами, провода.

Телефона не было.

Прошел час. Потом второй. Солнце перевалило за середину окна, лучи стали короче и переместились на деревянный пол, высвечивая царапины на досках.

Даня сидел в центре комнаты, прямо на полосатом коврике, обхватив колени руками. Комната выглядела так, будто в ней прошел ураган средних размеров. Вещи из рюкзаков валялись на полу, дверцы шкафа были приоткрыты, кровать Дани стояла разобранной, матрас был сдвинут набок.

Идеальная, железобетонная логика Дани разбилась вдребезги о реальность старого деревенского дома.

Его мозг отказывался принимать этот факт. Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. В закрытой комнате, из которой никто не выходил, предмет не может просто исчезнуть. Это нарушение всех законов Вселенной.

— Ну что, Холмс? — раздался от двери спокойный голос.

Даня поднял голову. Дед Матвей стоял на пороге, опершись плечом о косяк. В руках он держал тот самый липовый брусочек, из которого вчера вырезал сову. Птица была уже почти готова — из дерева проступили круглые глаза, клюв и сложенные крылья.

Дед обвел взглядом учиненный внуком разгром. В его глазах не было гнева, только легкая печаль. — Я смотрю, поиски твои сродни Мамаеву нашествию. Всё вверх дном перевернул. А толку-то?

Даня шмыгнул носом. Ему вдруг стало отчаянно обидно. До слез, которые он, как взрослый двенадцатилетний парень, изо всех сил пытался сдержать. Логика предала его. Физика оказалась бессильна. Его современный, понятный мир рассыпался на части в этой пропахшей травами деревянной коробке.

— Я не понимаю... — хрипло произнес мальчик, глядя на свои руки, перепачканные пылью. — Это нелогично. Это невозможно. Я проверил каждый сантиметр. Его здесь нет. Как такое может быть?

Дед Матвей медленно прошел в комнату. Он не стал ругать Даню за раскиданные вещи. Он сел на табурет рядом с мальчиком, положил деревянную сову на подоконник и тяжело, по-стариковски, вздохнул.

В комнате вдруг стало очень тихо. Птицы за окном перестали щебетать. Печь перестала потрескивать. Казалось, сам дом затаил дыхание, прислушиваясь к тому, что скажет старик.

— Логика твоя, Даня, инструмент хороший. Острый, как этот вот нож, — дед достал из кармана свой резак с изогнутым лезвием. — Ножом можно и хлеб отрезать, и деревяшку выстругать. Но попробуй ножом воду в реке разрезать. Или туман утренний расчистить. Получится?

Даня отрицательно покачал головой. — Не получится, — мягко подтвердил дед. — Потому что каждому материалу свой инструмент нужен. Ты ищешь свою пропажу так, как привык в городе: глазами да руками. Считаешь метры, проверяешь углы. А дом наш — он не из одних только метров состоит. У него глубина есть. Такая, которую рулеткой не смеришь.

Дед подался вперед, и его голос снова обрел ту самую певучесть, от которой у Дани по спине пробегали мурашки.

— Мир, внучок, он не плоский. Он как слоеный пирог. Есть Явь — то, что ты видишь, то, что потрогать можешь. Твой телефон, тумбочка, половицы эти скрипучие. Тут твоя физика работает, как часы. А есть Навь — мир скрытый, невидимый. Мир теней, духов, памяти. И миры эти друг с дружкой соприкасаются. Как вода с берегом.

Даня слушал, затаив дыхание. Его рациональный ум вопил, что это сказки, но какая-то древняя, спящая глубоко внутри часть души, доставшаяся ему от далеких предков, вдруг откликнулась на эти слова легким трепетом.

— Когда ты здесь порядок механический наводил, — продолжал дед, — ты только про Явь думал. Как бы ровнее положить. А про уважение забыл. Ругался, словами пустыми бросался, одежду, что тебя грела, в угол швырнул с пренебрежением. Вот Навь-то и откликнулась. Граница истончилась. Вещь твоя никуда из комнаты не делась. Она просто по ту сторону сказки оказалась. В тени.

— По ту сторону сказки? — эхом повторил Даня. Звучало это одновременно пугающе и завораживающе. — То есть в параллельном измерении? Инопланетяне?

Дед Матвей рассмеялся, звонко и молодо. Морок моментально рассеялся. — Какие инопланетяне, фантазер! В какой-такой параллели? Я ж тебе русским языком говорю: Хозяин дома ее прибрал. Домовой, по-вашему, по-городскому. Кузьмич мы его зовем. Он мужик строгий, но справедливый. Не любит он гордыни да неуважения. Забрал он твою игрушку, чтоб тебя уму-разуму научить. Поиграет да отдаст, если заслужишь.

Даня сидел на полу, оглушенный этим заявлением. Домовой. Настоящий, живой домовой Кузьмич спер его флагманский смартфон с памятью 256 гигабайт. И, судя по всему, собирался играть на нем в его любимую стратегию.

Это было смешно. Это было нелепо. Но, глядя на пустую тумбочку, на вытасненный кем-то невидимым шнур зарядки и на спокойное лицо деда Матвея, Даня вдруг понял одну страшную вещь.

У него просто не осталось других объяснений. Метод дедукции провалился.

— И... и что мне теперь делать? — тихо спросил Даня, чувствуя, как сдается его внутренний скептик.

— А вот что, — дед хлопнул ладонями по коленям и поднялся. — Сначала прибери за собой. Развел тут, понимаешь, поле брани. Вещи по местам разложи, с уважением. Пыль сотри, что поднял. Дом должен дышать свободно. А потом потом видно будет. Кузьмич, он парень отходчивый. Если увидит, что ты не со зла, а по неразумению городскому ошибся — вернет пропажу.

Дед повернулся и вышел из комнаты, оставив Даню сидеть посреди учиненного им хаоса.

Мальчик медленно поднялся. Он посмотрел на раскиданные учебники, на скомканное одеяло. — Ну, ладно, — пробормотал он себе под нос. — Допустим. Просто допустим, в качестве рабочей гипотезы, что дед прав. Что мы теряем? Ничего.

Даня принялся убирать комнату. Но на этот раз он делал это иначе. Он не просто закидывал вещи в рюкзак. Он складывал их аккуратно, разглаживая страницы книг. Он застелил постель, расправляя каждую складочку на тяжелом верблюжьем одеяле. Он аккуратно свернул провод зарядки, который сиротливо лежал на полу, и положил его в ящик тумбочки.

Закончив уборку, Даня окинул комнату взглядом. Стало чисто и как-то светлее. Словно дом благодарно выдохнул.

Мальчик подошел к пустому месту на тумбочке. — Эй, — тихо сказал он в пустоту, чувствуя себя невероятно глупо. — Если ты... ну, Кузьмич. Извини за вчерашнее. Я не хотел обидеть этот дом. Честно.

Ответом ему была тишина. Ни телефон, ни домовый не появились.

Даня разочарованно вздохнул и пошел к двери. Но когда его рука уже легла на металлическую скобу ручки, за его спиной, в самом темном углу за старым шкафом, кто-то отчетливо и совершенно по-человечески хмыкнул.

Даня замер, покрывшись холодным потом. Он резко обернулся. В комнате никого не было. Только пылинки продолжали свой медленный танец в лучах полуденного солнца.

Но теперь Даня точно знал: метод дедукции здесь не работает. Здесь начинаются совсем другие правила. Правила старого дома. И ему придется научиться по ним играть.

Глава 5. Странности начинаются.

Остаток дня тянулся так, как может тянуться время только в деревне во время затяжного дождя — густо, медленно, словно горячая карамель, стекающая с деревянной ложки.

В городе у Дани не было ни одной свободной минуты. Время там было нарезано на мелкие, четкие дольки: школа, репетитор, тренировка, катка в онлайн-игру с друзьями, скроллинг ленты перед сном. Если выдавалась свободная секунда, пустоту немедленно заполнял светящийся экран смартфона.

Здесь же, в Лихолесье, без интернета и пропавшего гаджета, Даня вдруг обнаружил, что в сутках пугающе много часов. И они ничем не заполнены, кроме шума дождя, запаха мокрой травы и собственных мыслей.

У него начался настоящий цифровой голод. Несколько раз за послеобеденное время мальчик ловил себя на том, что его правая рука машинально хлопает по карману джинсов, а бедро чувствует фантомную вибрацию входящего сообщения. Каждый раз, осознав, что карман пуст, Даня тяжело вздыхал и мрачнел всё больше.

После обеда, состоявшего из наваристых шей, которые дед Матвей томил в печи в чугушке, Даня решил выйти на крыльцо — подышать воздухом. Воздух оказался влажным, холодным и пах так остро, что с непривычки закружилась голова. Мальчик постоял на верхней ступеньке, послушал, как вода с бульканьем стекает из водосточной трубы в старую железную бочку, и, неудачно переступив, угодил ногой прямо в лужу, натекшую на край половицы.

Кеды мгновенно промокли. Чертыхнувшись про себя, вслух он ругаться уже опасался, помня утренние наставления деда и странный «хмык» из угла. Даня вернулся в дом, прошлепал мокрыми ногами по коридору и закрылся в своей светелке.

— Так, операция «Сухие ноги», — пробормотал он, стараясь говорить бодро, чтобы разогнать сгущающуюся тишину комнаты.

Он подошел к своему рюкзаку. После утреннего генерального обыска Даня сложил вещи идеально ровно. Он открыл молнию, достал из бокового кармана пару своих любимых носков — плотных, махровых, ядовито-зеленого цвета с черными полосками. Они были теплыми и выглядели по-бунтарски ярко, что очень нравилось Дане.

Мальчик стянул мокрый кед, стащил сырой серый носок и бросил его на пол. Затем он положил один зеленый носок на расправленное покрывало кровати, а второй натянул на левую ногу. Он потянулся к правому мокрому кеду, стянул его, отбросил в сторону влажный носок.

Даня повернулся к кровати, протянул руку, чтобы взять второй зеленый носок и его рука схватила пустоту.

Мальчик замер. Мокрая правая пятка неприятно холодила деревянный пол. На покрывале, там, где ровно три секунды назад лежал яркий, неоновозеленый носок, не было ничего. Только идеальная гладь верблюжьего одеяла.

Внутри у Дани что-то оборвалось и ухнуло вниз. Волоски на руках встали дыбом. Одно дело — телефон, который мог как-то «затеряться» ночью. И совсем другое — вещь, которая исчезает у тебя на глазах, среди бела дня, пока ты отвернулся буквально на мгновение.

Даня медленно, очень медленно опустился на колени. Он не стал ничего переворачивать. Он не стал устраивать обыск по методу Шерлока Холмса. Он просто заглянул под кровать. Пусто. Он посмотрел за тумбочку. Пусто.

Мальчик сел на пол, подтянув к себе мокрую босую ногу. — Очень смешно, — дрожащим шепотом произнес он, глядя в темный угол за шкафом, откуда утром доносился хмык. — Прямо обхохочешься. Зачем тебе носок? Да еще и один? У тебя что, одна нога замерзла?

Угол хранил суровое, пыльное молчание.

— Слушай, Кузьмич, или как там тебя — Даня сглотнул вставший в горле ком. Ему было не по себе. Одному, в полутемной комнате, разговаривать с невидимой сущностью — это казалось признаком надвигающегося сумасшествия. Но выбора не было. Физика здесь брала выходной. — Давай меняться. Забирай мои старые, серые. Они вот, на полу лежат. А зеленый отдай. Я в нем в город вернусь. Пожалуйста.

Ничего не произошло. Ни шороха, ни скрипа. Зеленый носок исчез так же бесследно, как и смартфон.

В этот момент дверь скрипнула, и в комнату зашла Варя. В руках она держала толстый кусок печного угля и тетрадный лист, вырванный из альбома для рисования.

Девочка посмотрела на брата, сидящего на полу в одном полосатом носке, и весело фыркнула. — Ты чего на полу сидишь? Грибы ищешь?

— Носок потерял, — мрачно буркнул Даня, поднимаясь и доставая из рюкзака другую, уже скучную черную пару. — Точнее, его украли. Опять. Прямо из-под носа.

Варя подошла к своей кровати, улеглась на живот, болтая ногами в воздухе, и принялась что-то усердно выводить углем на бумаге. Уголь с приятным, сухим шорохом царапал лист.

— Никто у тебя ничего не крал, Дань, — спокойно, как само собой разумеющееся, сказала сестра, не отрываясь от рисования. — Он его просто позаимствовал. Сказал, что для гамака твой телефон не подходит — жесткий и углы острые. А вот носок — в самый раз. Мягкий и пушистый. Как раз по размеру.

Даня замер с черным носком в руках. Он медленно повернул голову к сестре. Глаза его стали размером с те самые старые советские розетки. — Кто сказал? — севшим голосом спросил он.

— Ну, Хозяин, — Варя дунула на лист, смахивая угольную пыль. — Кузьмич. Он тут, за печкой живет. Я ему блюдечко с молоком, которое дедушка утром не допил, туда поставила. Он молоко попил, подобрел. Говорит, смешные вы, городские. Всё у вас по коробочкам разложено, а души в вещах нет.

Даня почувствовал, как по спине пробежал неприятный, колющий холодок. Одно дело, когда дед, взрослый человек, травит байки, пытаясь преподать урок. И совсем другое, когда твоя девятилетняя сестра совершенно будничным тоном сообщает, что общалась с полтергейстом, который вьет гнездо из твоего носка.

Он подошел к Вариной кровати и заглянул в ее рисунок. На белом листе углем было нарисовано нечто. Это напоминало то ли растрепанный стог сена с ручками и ножками, то ли пухлого кота, вставшего на задние лапы. Глаза у существа были огромными, круглыми, как блюдца, а вместо носа торчала какая-то картофелина. В одной когтистой лапке существо держало нечто прямоугольное, подозрительно напоминающее Данин телефон.

— Варя, — Даня постарался, чтобы его голос звучал строго и по-взрослому, хотя внутри всё дрожало. — Это не смешно. Хватит сочинять. Если это ты спрятала мои вещи, чтобы надо мной поиздеваться, то я всё расскажу маме, когда она позвонит деду.

Девочка перестала рисовать, перевернулась на спину и посмотрела на брата кристально чистыми, серьезными глазами. — Я ничего не прятала, Дань. Зачем мне твой дурацкий телефон? Там даже игр нормальных нет, одни твои стратегии. И носок мне твой огромный не нужен. Я тебе правду говорю. Я его не видела, но я его слышала. Он в голове разговаривает. Как будто мысли, только не мои, а чужие. Колючие такие, как старый свитер.

Она села, обхватив колени руками. — Ты, Дань, злишься всё время. Ходишь, бурчишь, углы меряешь. А дом этого не любит. Он от твоей злости ежится. Ты бы расслабился. Тут магия везде, а ты в нее линейкой тычешь.

Даня хотел было прочитать ей очередную лекцию про законы термодинамики и нейробиологию, про то, что слуховые галлюцинации у детей бывают от переизбытка впечатлений, но слова застряли в горле.

Где-то глубоко внутри он начал понимать, что линейка действительно сломалась.

— Ладно, — процедил он, натягивая черные носки. — Допустим. И что мне делать? Оставить ему второй зеленый носок в качестве подушки?

— А ты попробуй, — пожала плечами Варя и снова уткнулась в свой рисунок.

Даня фыркнул, взял мокрый серый носок с пола и бросил его в пакет для грязного белья. Выходить из комнаты ему почему-то расхотелось.

Время близилось к вечеру. Дождь за окном не прекращался, перейдя в ту монотонную, усыпляющую стадию, когда кажется, что он идет уже тысячу лет и будет идти вечно.

В доме стало темнеть. Деревенские сумерки — это особое время. Это не просто отсутствие света. Это момент, когда граница между тем, что можно потрогать, и тем, во что можно только верить, становится тонкой, как папиросная бумага.

Углы в светелке начали заполняться густыми тенями. Старый шкаф, казалось, стал чуть шире в плечах, а его резной карниз на мгновение напомнил Дане нахмуренные брови гигантского деревянного тролля. Тишина в доме изменила свой вес. Днем она была легкой, прозрачной, наполненной звуками улицы. Сейчас же тишина стала тяжелой, ватной. И в этой тишине начали рождаться звуки.

Сначала где-то под полом, словно в животе у большого кита, глухо заворчали деревянные балки. Потом на чердаке кто-то маленький, но тяжелый, с мягким стуком перебежал от одной стены к другой. *Топ-топ-топ*. И затих.

Даня, читавший старый комикс, найденный на дне рюкзака (потому что больше делать было решительно нечего), оторвал взгляд от страницы. Варя спала. Она вообще обладала удивительной способностью засыпать где угодно и когда угодно, если ей становилось скучно. Сейчас она мирно посапывала, свернувшись калачиком поверх верблюжьего одеяла, а ее угольный рисунок валялся на полу.

В горле у Дани пересохло. Он сглотнул, закрыл комикс и решил сходить на кухню попить воды.

Мальчик тихонько открыл дверь светелки и вышел в коридор. В горнице было пусто. Деда Матвея там не оказалось. Печь уже протопилась, угли подернулись серым пеплом, источая ровное, сухое тепло, но лампа над столом не горела. В доме стоял полумрак. Свет проникал только из окон, серый, дождевой.

Даня прошел на кухню, взял глиняную кружку и зачерпнул холодной колодезной воды из большого эмалированного ведра, стоящего на деревянной скамье у двери. Вода была вкусной, с легким привкусом железа и земли. Мальчик выпил всё до дна, поставил кружку на стол и уже собирался идти обратно, как вдруг его внимание привлек звук.

Звук доносился из сеней — того самого прохладного, темного коридорчика, который вел от входной двери к жилым комнатам. Из сеней была еще одна дверь. Она вела в чулан — небольшую кладовку под крутой деревянной лестницей на чердак. Дед хранил там старые инструменты, запасы лука в капроновых колготках и связки сушеных грибов.

Даня замер, прислушиваясь. Сначала ему показалось, что это просто мыши скребутся за плинтусом. Но звук был неритмичным. Он был сложным. Он состоял из множества мелких шорохов, вздохов и шепотов.

Волосы на затылке Дани зашевелились. Он сделал шаг к двери, ведущей в сени. Дверь была чуть приоткрыта. Из щели тянуло прохладой и запахом старых веников.

Шурх шурх Словно сухие осенние листья терлись друг о друга на ветру.

Но ветра в доме не было.

Даня, повинаясь какому-то необъяснимому порыву, смешанному из ужаса и жгучего детского любопытства, подошел к щели вплотную. Он прижался ухом к прохладному, неровному косяку деревянной двери, стараясь даже не дышать. Сердце колотилось так громко, что казалось, оно сейчас выдаст его с головой.

И тогда он услышал это ясно. Это были голоса. Точнее, один голос, но такой странный, словно говорил он не связками, а скрипом половиц и шорохом сухой соломы. Речь была быстрой, шепелявой, с непривычными ударами.

— шибко гордый, городской-то — донеслось из темноты чулана отчетливое, ворчливое бормотание. — Всё-то ему мерять надобно. Ишь, углы высматривал, пыль разгонял. Думает, раз железяка его светится, так он умнее всех. А носок-то зеленой травы весенней оказался, теплый, добротный самое то для малого

Кто-то второй, чей голос был похож на тонкий писк закипающего чайника, коротко захихикал. — А железяку куда дел, дедушко Кузьма? — пропищал второй голос. — Неужто в подпол сбросил?

— Скажешь тоже, в подпол, — возмущенно зашуршал первый голос. — Там сыро, мыши погрызут. Я ее в сундук старый запрятал, под полушалок бабки Марфы. Пушай полежит, подумает. В темноте да в тишине мысли-то завсегда яснее становятся. И мальцу наука будет. Негоже в чужом доме свои порядки с порога чинить да Хозяина не привечать.

Даня стоял ни жив ни мертв. Его руки вцепились в дверной косяк так, что костяшки пальцев побелели. Это была не галлюцинация. Это не шум дождя. За этой старой, облупленной дверью чулана сидели существа из сказок, в которые он перестал верить еще в первом классе, и совершенно буднично обсуждали его, Даню!

Его рациональный мозг, тот самый, что выигрывал олимпиады по математике, в этот момент поднял белый флаг и капитулировал окончательно.

— Вот те крест, — шуршал тем временем Кузьмич. — Ежли до завтрашней зорьки уважение не проявит, я ему и левый башмак спрячу. Будет прыгать по двору аки заяц хромой.

Даня хотел отшатнуться от двери, убежать обратно в светлую комнату к спящей сестре, залезть под одеяло и накрыться с головой. Но его ноги словно приросли к полу. Неведомая сила удерживала его на месте. Это был страх, но страх не липкий, не парализующий, а какой-то древний. Трепетный. Словно он прикоснулся к тайне, к которой прикасаться не имел права.

И тут случилось самое страшное.

Тонкий, писклявый голос вдруг оборвался на полуслове. Повисла секундная, звенящая тишина. А затем голос Кузьмича изменился. Он перестал быть ворчливым и старческим. Он стал низким, рокочущим, вибрирующим, как звук огромной виолончели.

— А ну-ка, — медленно, растягивая слова, произнес голос из темноты, — кто это там у нас подслушивает? Кто это ухом к двери припал? Неужто гость наш городской?

Дверная ручка — тяжелая, металлическая скоба — медленно, со скрипом поползла вниз.

Дверь начала открываться. Из темноты чулана на Даню пахнуло таким холодом и древностью, что у мальчика перехватило дыхание. Он попятился назад, споткнулся о половику и с глухим стуком упал на спину.

Он зажмурился, ожидая увидеть когтистую лапу, горящие глаза или что-то еще более жуткое.

Вдруг над ним вспыхнул свет. Яркий, желтый, теплый свет электрической лампочки.

— Чего на полу разлегся, путешественник? — раздался сверху до боли знакомый, спокойный голос.

Даня резко открыл глаза. Над ним, держа в одной руке охапку сухих березовых поленьев, а другой потянувшись к выключателю, стоял дед Матвей. В доме пахло дождем и свежим деревом. Дверь в чулан была распахнута настежь. За ней виднелись только старые ведра, метла да банки с соленьями. Никаких мохнатых существ. Никаких светящихся глаз.

Только обычная деревенская кладовка.

— Я я споткнулся, — пролепетал Даня, чувствуя, как краска стыда и недавнего ужаса заливает его лицо. Он быстро вскочил на ноги, отряхивая джинсы.

Дед Матвей свалил поленья в специальную нишу у печи, отряхнул руки и внимательно посмотрел на внука. Его серые глаза в свете электрической лампы казались необычайно глубокими.

— Споткнулся, говоришь? Ну-ну. Половик здесь, конечно, коварный, — дед усмехнулся, но в усах его спряталась лукавая улыбка. — А чулан открытым чего оставил? Сквозняки гуляют.

— Я не открывал, — быстро сказал Даня. — Она сама. От сквозняка, наверное.

— Сама, значит, — протянул дед, закрывая дверь чулана и накидывая на нее деревянную вертушку. — В старых домах, Даниил, само ничего не делается. А у дверей стоять да подслушивать — дело неблагодарное. Можно такое услышать, от чего потом спать расхочется.

Даня сглотнул. — Дед а кто такой Кузьмич? — тихо спросил он, глядя на закрытую дверь.

Дед Матвей остановился. Он не стал смеяться. Не стал отмахиваться. Он подошел к столу, снял стеклянный плафон с керосиновой лампы, чиркнул спичкой и поджег фитиль. Мягкий, живой огонек заплясал в сумерках кухни, отбрасывая на стены причудливые, длинные тени.

— Вот что, Даниил, — голос деда изменился. Стал тем самым, певучим, сказочным, от которого по коже бежали мурашки, но на душе становилось удивительно спокойно. — Сдается мне, наука твоя городская сегодня трещину дала. Иди-ка буди Варю. Пора вам узнать, кто в этом доме хозяин, а кто — гость.

Дед достал с полки пузатый глиняный чайник и полотняный мешочек, от которого пахло степью и летом. — Буди сестру. Чай пить будем. Из чабреца. И слушать. Потому что вечер нынче самое время для настоящих историй. Тех, что за гранью твоей физики живут.

Даня кивнул. Спорить ему больше не хотелось. Он повернулся и пошел в светелку, чувствуя спиной взгляд — и не только деда. Из темного угла, где висела старая одежда, ему вслед смотрела сама Навь, хитро прищулив невидимые глаза, и явно осталась довольна тем, как городской мальчик начал усваивать первый урок.

Глава 6. Дед Матвей заваривает чай.

Даня стоял перед приоткрытой дверью в светелку и пытался выровнять дыхание. Сердце всё еще гулко бухало в груди после того, что он услышал у двери старого чулана.

Его стройная, выверенная до миллиметра картина мира трещала по швам, словно старая ткань. В этом мире, где бал правили законы Ньютона, таблица Менделеева и бесперебойный сигнал Wi-Fi, внезапно образовалась огромная, пахнущая нафталином и сухими вениками дыра. И из этой дыры на него смотрело нечто, что воровало телефоны, вило гнезда из зеленых носков и ворчало старческим голосом.

Мальчик глубоко вдохнул прохладный воздух сеней, пахнувший дождем, и решительно толкнул дверь светелки.

Варя спала всё в той же позе — свернувшись уютным калачиком поверх верблюжьего одеяла. Рядом с ней, на полосатом домотканом коврикe, белел тетрадный лист с нарисованным углем глазастым существом, сжимающим в когтистой лапке прямоугольник, подозрительно похожий на флагманский смартфон.

Даня подошел к кровати и легонько потряс сестру за плечо. — Варь. Эй, мелочь, просыпайся.

Девочка смешно сморщила нос, отмахнулась от его руки, как от назойливой мухи, и пробормотала что-то невнятное про то, что единорогам тоже нужно расчесывать гриву.

— Варя, вставай, — Даня проявил настойчивость и потянул ее за край пижамной кофты. — Там дед там это в общем, чай пить будем. И разговаривать.

Варя с трудом разлепила один глаз, который в полумраке комнаты казался совсем темным. Она огляделась, сонно моргая. — Уже утро? Опять блины? — ее голос был хриплым со сна, а на щеке отпечаталась красная полоса от жесткой наволочки.

— Какое утро, на улице темень уже почти, — Даня нервно передернул плечами. — Вечер на дворе. Дождь идет. Вставай, говорю. Дед велел приходить. Он обещал рассказать про ну, про этого твоего Кузьмича.

При упоминании этого имени остатки сна слетели с Вари мгновенно. Она подскочила на кровати, отчего пружины старого матраса радостно и гулко скрипнули, подтверждая ее пробуждение. — Я же говорила! — победно прошептала Варя, и ее глаза заблестели в сгущающихся сумерках. — Я же тебе говорила, что он настоящий! А ты: «физика, химия, галлюцинации»! Что, съел, профессор? Ты его видел? Он какой? Мохнатый? С хвостиком?

— Никого я не видел, — буркнул Даня, отворачиваясь, чтобы сестра не заметила его бледности. Признаться в том, что он испугался до дрожи в коленках, было выше его достоинства. — Просто дверь скрипнула. И дед сказал приходить. Давай, умывайся и пошли на кухню. И надень тапки, пол холодный.

Пока Варя искала под кроватью свои мягкие домашние тапочки в виде розовых зайцев, Даня подошел к своей тумбочке. Он машинально бросил взгляд на пустое место, где еще вчера лежал его телефон. Потерпеть поражение от законов физики — это одно. Но потерпеть поражение от фольклорного элемента, прописанного в старой кладовке, — это было как-то совсем уж унизительно.

— Я ему этот носок припомню, — тихо, одними губами процедил Даня, глядя в темный угол за шкафом. Угол промолчал, но Дане на секунду показалось, что висящее там старое дедовское пальто едва заметно дернуло рукавом, словно подавляя смехок.

В горнице, куда вышли дети, уже горел теплый, желтоватый свет. Дед Матвей суетился у печи. Точнее, слово «суетился» совершенно не подходило к размеренным, плавным движениям старого Хранителя. Дед действовал так, словно исполнял древний, хорошо заученный танец, где каждому шагу и взмаху руки было свое, строго отведенное время.

На большом дубовом столе, покрытом льняной скатертью с вышивкой по краям, уже стояли три пузатые глиняные кружки, маленькая розеточка с густым янтарным медом и плетеная корзинка с домашними сухарями.

В центре стола царил керосиновая лампа. Электрический свет дед почему-то включать не стал, ограничившись лишь живым огнем. Фитиль лампы был аккуратно подрезан, поэтому пламя горело ровно, не коптя, отбрасывая на бревенчатые стены причудливые, танцующие тени.

Даня, привыкший к яркому, безжалостному свету светодиодных ламп в своей городской квартире, на мгновение замер на пороге. Кухня показалась ему совершенно другим местом, нежели утром. Утром это была просто старая деревенская комната. Сейчас же она напоминала безопасную, теплую пещеру, за пределами которой бушевал холодный, мокрый и непонятный мир.

Дождь за окном усилился. Он больше не моросил — он сек по стеклам тяжелыми, плотными струями, словно пытался пробиться внутрь. Ветер завывал в печной трубе густым, протяжным басом.

— Проходите, внучата, усаживайтесь, — не оборачиваясь, произнес дед Матвей. Его голос звучал глубоко и спокойно, легко перекрывая шум непогоды. — Самое время чаи гонять. Погода нынче шепчет: сиди дома да слушай.

Варя тут же забралась с ногами на широкую деревянную лавку, стоявшую у стены, и придвинула к себе кружку. Даня сел на табурет напротив деда, чувствуя себя неуютно под тяжелым взглядом темноты, заглядывающей в окна.

Дед Матвей стоял у печи спиной к ним. В одной руке он держал большой, покрытый коричневой глазурью глиняный чайник, а в другой — небольшой полотняный мешочек, перевязанный суровой ниткой.

— Знаете, в чем секрет хорошего чая? — спросил дед, развязывая мешочек.

— В кипятке? — предположил Даня, стараясь поддержать светскую беседу и отвлечься от мыслей о чулане. — Мама всегда говорит, что главное — заваривать крутым кипятком, сто градусов, чтобы экстракция веществ прошла быстрее.

Дед Матвей усмехнулся в бороду и покачал головой. — Экстракция Слово-то какое придумали, колючее, словно репейник. Нет, Даниил. Крутой кипяток траву убивает. Он ее ошпаривает, пугает. Травы от страха весь свой вкус сжимает, прячет. Вода должна быть покорной, успокоившейся. Вот закипела она, побулькивала, пар выпустила — дай ей минутку перевести дух. Чтобы она не обжигала, а обнимала.

Дед опустил руку в мешочек и достал горсть сухой, измельченной травы с мелкими, фиолетово-серыми цветочками. В ту же секунду по кухне поплыл невероятный запах.

Даня невольно втянул воздух носом и прикрыл глаза. Это не был запах покупного чая из пакетика с ароматизатором «идентичным натуральному». Это был запах самого настоящего, концентрированного лета. Пахло раскаленной на солнце степью, сухой землей, горячими камнями, дикими пчелами и почему-то легким, едва уловимым дымком костра. Запах был таким густым и осязаемым, что казалось, его можно потрогать руками.

— Чабрец, — с уважением произнес дед Матвей, аккуратно засыпая траву в глиняный чайник. — Или богогородская трава, как в старину звали. Он, братцы, суеты не терпит. Он на солнышке рос, силу земли собирал, ветрами обдувался. К нему подход нужен почтительный.

Дед взял тяжелый металлический чайник, снял его с печи и медленно, тонкой струйкой начал вливать горячую воду в глиняный заварник. По кухне с шипением поднялся легкий пар, и аромат чабреца раскрылся еще сильнее, заполняя собой каждый уголок комнаты, вытесняя запах сырости и старого дерева.

— Вот так, — приговаривал дед, накрывая заварник специальной, сшитой из лоскутков куклой-грелкой на вате. Кукла была похожа на толстую румяную бабушку в пестром сарафане.

— Пусть теперь подумает, потомится. Траве нужно время, чтобы воде свои тайны отдать. Как и человеку, чтобы чужую тайну понять, тоже время нужно. И тишина.

Он повернулся к столу, вытер руки о льняной фартук и тяжело опустился на табурет во главе стола. Свет керосиновой лампы снизу осветил его лицо, подчеркнув глубокие морщины на лбу и спрятав глаза в тени густых, кустистых бровей.

Несколько минут в комнате царила тишина, нарушаемая лишь барабанным боем дождя по крыше и мерным тиканьем старых ходиков на стене. Даня сидел, сцепив руки в замок, и смотрел на пламя лампы. Варя тихонько грызла сухарик, не сводя глаз с деда.

— Ну, что притихли, словно мыши под веником? — наконец нарушил молчание дед Матвей. Голос его звучал мягко, но с той самой едва уловимой насмешкой, которая так раздражала Даню днем и так пугала сейчас. — Искатель истины, как твои успехи? Нашелся ли твой светящийся кирпичик с как ты там говорил двести пятьюдесятью мегабайтами памяти?

— Гигабайтами, дед, — по привычке поправил Даня, хотя сейчас ему было совершенно плевать на технические характеристики пропажи. — Нет. Не нашелся. И носок тоже не нашелся. Зеленый.

Дед понимающе кивнул. — Зеленый. Это хорошо. Зеленый цвет — цвет лесной, живой. Кузьмичу должно понравиться. Он у нас эстет, старый ворчун.

Даня не выдержал. Он резко подался вперед, опершись локтями о стол. — Дед, давай серьезно, — голос мальчика дрогнул, но он заставил себя смотреть старику прямо в глаза. — Я я его слышал. Там, в чулане. Он разговаривал. Про меня. Про телефон. И про носок.

Варя победно пискнула и захлопала в ладоши, уронив крошки на скатерть: — Я же говорила! Я же говорила, что он разговаривает!

Дед Матвей не удивился. Он не стал смеяться над Даней, не стал хлопать его по плечу и говорить, что это всё разыгравшееся воображение городского мальчика. Вместо этого старик медленно подался вперед, снял с чайника куклу-грелку и начал разливать по кружкам настоявшийся, темно-золотистый, почти коричневый напиток.

— Слышал, значит, — спокойно констатировал дед, пододвигая Дане кружку, от которой поднимался ароматный парок. — Это хорошо, Даниил. Это значит, что уши твои не до конца наушниками заткнуты, а душа еще может сквозь пластик и железо пробиться. Слышать — это первый шаг к тому, чтобы понимать.

Даня обхватил горячую глиняную кружку обеими ладонями. Тепло от нее медленно потекло по рукам, прогоняя внутреннюю дрожь. — Но это же это же невозможно, дед, — тихо сказал мальчик. — Домовые — это миф. Фольклор. Сказки, которые придумали необразованные люди в древности, чтобы объяснить то, чего они не понимали. Сквозняки, пропажу вещей, шум на чердаке. Наука давно всё это объяснила!

Дед Матвей положил в свою кружку ложку меда, медленно размешал его, глядя, как янтарная капля растворяется в горячем настое. Звяканье ложечки о края кружки звучало в унисон с тиканьем часов.

И тут дед прищурился.

Это был тот самый знаменитый дедовский прищур, про который Дане рассказывал еще папа. Когда дед Матвей так щурился, в уголках его глаз собирались лучики морщин, а сам взгляд становился острым, пронизывающим, словно старик видел не только то, что снаружи, но и то, что спрятано глубоко внутри человека.

— Наука, говоришь, объяснила, — протянул дед, и его голос начал неуловимо меняться. В нем появились те самые певучие, ритмичные нотки, которые всегда предвещали переход реальности во что-то иное. — Городская ваша наука — она как фонарик с узким лучом. Светит ярко, да. Всё, что в луч попало — посчитано, измерено, по коробочкам разложено. А что по краям во тьме осталось? Вы думаете, раз вы это фонариком не осветили, так его и нет вовсе?

Дед отпил чаю, прикрыл глаза от удовольствия и продолжил: — Вы там, в городах своих каменных, к вещам как относитесь? Купили, в розетку сунули, попользовались, да в мусорку выбросили, как сломалось. Вещи для вас — рабы безмолвные. И дома ваши такие же — коробки бетонные. Зашел, заперся на три замка, в экран уткнулся — и хоть трава не расти. В ваших домах пусто. В них только эхо от ваших голосов гуляет.

Даня хотел возразить, сказать про систему «Умный дом», про колонку с голосовым помощником, которая по утрам желает доброго утра, но почему-то промолчал. Рядом с этим пахнущим степью стариком электронная колонка вдруг показалась ему невероятно жалкой и мертвой подделкой.

— А здесь, — дед Матвей обвел широким жестом руки бревенчатые стены горницы, — дом — это не просто крыша над головой. Дом — это живое существо. Он рождался, когда первое бревно клали. Он дышал, когда печь в первый раз топили. Он память хранит тех, кто до вас здесь ходил, смеялся, плакал. А где есть жизнь, где есть память — там всегда появляется Хранитель.

Варя, забыв про сухарь, слушала деда, приоткрыв рот. — Кузьмич — он как душа этого дома? — шепотом спросила она.

— Верно мыслишь, стрекоза, — кивнул дед, и морщинки у его глаз разгладились. — Он не злой дух, не демон какой-нибудь, которыми вас в кино пугают. Нет в нашем мире абсолютного Зла, чтобы с рогами да с вилами бегало. И Добра абсолютного, сусального, тоже нет. Есть Баланс. Есть Порядок.

Дед повернулся к Дане, и взгляд его снова стал серьезным, цепким. — Кузьмич — он за Балансом следит. Он Хозяин. Ему сотни лет. Он помнит, как мой прадед эти полы стелил. И когда ты, городской мальчик, заходишь в его владения и начинаешь свои порядки чинить, вещи раскидывать, слова пустые говорить да гордыню свою тешить — как ты думаешь, понравится это Хозяину?

Даня опустил глаза в свою кружку. В коричневой жидкости плавал крошечный листик чабреца. — Я же не знал — пробормотал мальчик. — У нас так не принято.

— Незнание закона не освобождает от ответственности, как говорят ваши же городские судьи, — усмехнулся дед. — Ты не вещь потерял, Даниил. Ты урок получил. Нечисть наша славянская — будь то Леший в лесу, Водяной в озере или Домовой за печкой — она не карает просто так. Она наказывает за глупость, за жадность, за неуважение к природе и к месту, где ты находишься. Но она же и первая на помощь придет, если ты к ней с открытым сердцем повернешься.

За окном громыхнуло. Первый летний гром прокатился над Лихолесьем, заставив стекла в старых рамах испуганно звякнуть. Ветер с силой швырнул пригоршню дождя в окно.

Внутри же, на кухне, стало еще теплее и уютнее. Запах меда и чабреца смешался с запахом дождя, проникающим сквозь невидимые щели.

Дед Матвей достал из кармана свой складной нож с изогнутым лезвием. Он не стал ничего строгать, просто положил его перед собой на стол, словно обозначая границу между тем, что было, и тем, что будет.

Атмосфера в комнате сгустилась до предела. Казалось, воздух стал тяжелым, как вода перед грозой. Даня почувствовал, как по коже вновь побежали мурашки, но на этот раз в них не было страха. Было только предвкушение. Предвкушение чего-то очень древнего, настоящего, скрытого по ту сторону обыденности.

Дед облокотился на стол, подался вперед так, что его лицо оказалось почти вплотную к лампе. Пламя осветило его черты, сделав их похожими на лик старого, мудрого лесного бога, вырезанного из мореного дуба.

Его голос стал низким, рокоочущим, похожим на шум воды, перекачивающей тяжелые камни на дне реки. Речь полилась плавно, как старинная песня.

— Ну, раз уж вы слышали шепотки за дверью, — медленно начал дед Матвей, — раз уж граница для вас сегодня приоткрылась, скрывать больше нечего. Пейте чай, внучата. Пейте, пока горячий. И слушайте внимательно. Ибо расскажу я вам сегодня не сказку на ночь. Расскажу я вам быль о том, кто такой Кузьмич на самом деле, откуда он в нашем роду взялся, и почему для него брошенный на пол носок страшнее пожара в сухую осень...

Свет керосиновой лампы вдруг мигнул, пламя пригнулось, словно кто-то невидимый прошел мимо стола и, устраиваясь поудобнее на свободной табуретке, приготовился слушать историю о самом себе.

Глава 7. Рассказ дедушки.

Свет керосиновой лампы вздрогнул, когда дед Матвей начал свой рассказ, и тени на бревчатых стенах потянулись к столу, словно тоже хотели послушать. Дождь за окном, до этого яростно хлеставший по стеклам, вдруг сменил ритм. Он стал глуше, ровнее, превратившись в монотонный, убаюкивающий гул — идеальный фон для историй, в которых стирается грань между сказкой и былью.

Дед сидел прямо, положив тяжелые, натруженные руки на стол по обе стороны от кружки. Его голос потерял привычные бытовые интонации. Теперь он звучал как старинный инструмент — низко, бархатно, с особым, тягучим ритмом, от которого слова не просто влетали в уши, а оседали где-то глубоко в груди.

— Дом, внучата, — начал дед Матвей, глядя поверх пламени лампы в какую-то невидимую даль, — он ведь не с бревен начинается. И не с гвоздей, и не с фундамента. Дом начинается с мысли и с уважения.

Дед сделал маленький глоток чабрецового чая, и по кухне снова поплыл аромат летней степи.

— Прадед мой, а ваш, получается, прапрапрадед, Ермолай, этот дом строил. Мастер был — золотые руки. Топор в его ладонях пел, аки птица. Но прежде чем в лес с топором идти, Ермолай три дня постился, а потом в чащу шел — не рубить, а просить. В лесу ведь, Даниил, всё живое. Каждое дерево свою судьбу имеет. Ермолай ходил, стволы слушал, кору гладил. Искал те сосны, что сами готовы были свою жизнь лесную на жизнь домашнюю променять. Если дерево плакало, смолу пускало — он его не трогал. Брал только те, что звенели сухо и радостно.

Даня слушал, забыв про свой остывающий чай. Его логический ум пытался зацепиться за знакомые понятия — плотность древесины, резонанс, влажность. Но голос деда обволакивал, убаюкивал внутреннего скептика, заставляя просто видеть картину: высокого бородастого мужика в льняной рубахе, который прижимается ухом к шершавой коре вековой сосны.

— И вот срубили сруб, — продолжал дед. — Венец за венцом уложили. Без единого гвоздя железного, чтоб дерево не ржавело, не болело. Положили матицу — главное бревно под потолком, хребет домашний. Сложили печь. Окна прорубили, чтоб дом глаза открыл. Крышу накрыли. Красота получилась — загляденье! Пахнет смолой, стружкой свежей, глиной. А жить в нем — нельзя.

— Почему нельзя? — тихо спросила Варя, подперев щеку кулачком. Глаза у нее были круглые и блестящие. — Он же новый, красивый.

— Холодный он был, стрекоза, — ответил дед, ласково посмотрев на внучку. — Тепла в нем печного было вдоволь, дрова-то горят. А душевного тепла — ни капли. Пустое место. Как тело без души. Любой сквозняк — к болезни, любая тень по углам — к беде. Понял Ермолай, что дому Хозяин нужен. Тот, кто будет невидимые нити порядка плести. Тот, кто на границе Яви и Нави встанет дозором.

Даня нахмурился, переваривая услышанное. — И где он его взял? По объявлению нанял? В смысле ну, как они находили этих домовых? Я читал, что это миф, который возник из-за того, что старые дома усаживаются и скрипят.

Дед Матвей тихонько рассмеялся, и в его глазах снова блеснули лукавые искорки. — Почти угадал, сыщик. Дом-то усаживается, да только кто им управляет при этом? А «объявление» Ермолай не в газету давал, а огню. Домовой дух, Кузьмич наш, он ведь не из сырости берется. Он из древнего огня рожден. Из того самого, что еще в пещерах наших далеких предков грел, от волков защищал, да пищу варил. Ермолай взял старый лапот, сплетенный из лыка, положил в него горячих, дышащих жаром углей из печи старого отцовского дома, где

сам вырос. Вышел в полночь во двор, поклонился на четыре стороны и сказал слова заветные: «Дедушка-соседушка, Хозяин батюшка! Пойдем со мной в новые хоромы, на богатый двор, на теплую печь. Будем жить в ладу, хлеб-соль делить, добро копить, лихо за порог не пущать».

— И он пошел? — прошептала Варя, затаив дыхание.

— А куда ж он денется, если его с таким почетом да правильными словами зовут? — развел руками дед. — Угли в лапте вдруг вспыхнули синим пламенем, затрещали весело. Ермолай понес этот лапотъ в новый дом, бережно так, словно дитя малое. Высыпал угли в новую печь, бросил туда же краюху свежего хлеба да щепотку соли крупной. Печь как загудит! Пламя взвилось, а из пламени, вместе с сизым дымком, в темный угол за печку шмыгнула тень. Тяжелая такая, лохматая, размером с доброго пса. Пахнуло золой, да сухим листом дубовым, да шерстью кошачьей. А из угла голос раздался, хриплый, как жернова на мельнице: «Ну, здравствуй, Хозяин-человек. Принимай Хозяина-духа. Порядочек наводить будем». Так Кузьмич у нас и поселился. И живет по сей день, род наш бережет.

Дед Матвей замолчал, давая внукам время осмыслить услышанное. Даня посмотрел на беленый бок печи, виднеющийся из горницы. Ему вдруг показалось, что печь действительно дышит — медленно, глубоко, словно огромное, дремлющее животное, внутри которого бьется горячее сердце.

— Дед, — осторожно начал Даня, стараясь подбирать слова, чтобы снова не показаться глупым городским всезнайкой, но его аналитический мозг требовал ответов. — Я понимаю. Красивая метафора, уважение к труду строителей, связь поколений через огонь. Но ты ведь не просто сказку на ночь рассказываешь. Ты прямо утверждаешь, что это существо — Кузьмич — реально. Здесь. За печкой.

— Утверждаю, — спокойно кивнул дед.

— И что это он берет вещи, — продолжил Даня, всё еще пытаясь найти брешь в этой мистической логике. — Хорошо. Допустим. Но зачем ему мой телефон? Он же дух! Ему не нужен выход в интернет, у него нет аккаунта в соцсетях. Ему даже в игры не поиграть — у него, наверное, и пальцев-то нет, чтобы по сенсорному экрану свайпать! Какой ему толк от моего смартфона?

Дед Матвей улыбнулся так широко, что морщинки лучиками разбежались от его глаз. — Ох, Даня, Даня. Всё ты меришь пользой да функциями. Думаешь, если у вещи экрана нет, так она и не нужна никому? Слушай дальше. Была в нашем роду точь-в-точь такая же история. Случилась она с сыном того самого Ермолая — Прохором. Твоим прадедом.

Дед отпил чаю и продолжил: — Прохор парень был видный, смысленный. Математику любил, счет знал, грамоте был обучен лучше прочих в деревне. Поехал Прохор как-то по осени в большой губернский город на ярмарку — лес продавать да пеньку. Сторговался выгодно, денег выручил немало. И на эти вырученные деньги купил себе городскую диковинку заморскую — часы карманные. Да не простые, а серебряные! Механизм там был сложный: пружинки крошечные, шестеренки золоченые, крышка откидная с гравировкой тонкой. Стоили те часы как корова справная, а то и две.

Даня невольно выпрямился на табурете. История начинала подозрительно напоминать его собственную катастрофу. Дорогой гаджет, городская гордость, новейшие технологии того времени.

— Вернулся Прохор домой, — голос деда стал чуть строже, словно он отчитывал того самого молодого Прохора сквозь пелену веков. — Нос задрал выше крыши. Как же — он теперь человек образованный, с часами серебряными! Ходит по избе, каблуками новых сапог стучит, половицы пачкает. Ему мать говорит: «Проша, сними сапоги-то, я полы только вымыла, песком натерла». А он ей: «Ничего, матушка, высохнут, я человек занятой, мне разуваться недосуг, я время по часам меряю». Рубаху праздничную снял — и комком на сундук бросил. Инструменты отцовские, которыми дед дом ставил, взял, чтобы телегу починить, топориче затупил,

да так на лавке под дождем во дворе и оставил. В общем, повел себя не как сын почтительный, а как барин заезжий.

Дед нахмурил брови, и тени на его лице стали глубже. — А самое главное — часы свои драгоценные на стол обеденный кинул. Прямо на крошки хлебные, рядом с солонкой. И спать завалился.

В тишине кухни было слышно, как Варя затаила дыхание. Даня тоже замер.

— И что? — не выдержал мальчик. — Домовой их украл?

— Не украл, — веско, с нажимом поправил дед Матвей. — Кузьмич никогда не ворует. Воруют тати ночные да цыгане на базаре, у которых совести нет. Кузьмич — изымает. Утром просыпается Прохор, потягивается — хватъ-похватъ по столу, а часов-то нет! Серебряная цепочка на столе змейкой лежит, а самой луковицы с шестеренками как не бывало. Исчезли. Растворились.

— Ого! — Варя радостно хлопнула в ладоши, чуть не опрокинув свою кружку. — Прямо как твой телефон, Дань! С зарядным проводом! Провод остался, а телефона нет!

Даня бросил на сестру убийственный взгляд, но спорить не стал. Сходство было не просто пугающим, оно было абсолютным. Метод отсоединения «ценности» от шнура или цепочки совпадал до деталей.

— Прохор, понятное дело, в крик, — усмехнулся дед. — Весь дом вверх дном перевернул. Половицы осматривал, за печку заглядывал, собак во дворе перебудил. Кричит дурниной: «Воры! Обокрали! Завистники деревенские в дом пробрались!». Прямо как ты сегодня утром, Даниил. Тоже, поди, дедукцию свою городскую применял, углы высчитывал? Да только толку-то от нее в Нави? Нет часов, и всё тут.

— И как он их нашел? — голос Дани стал тихим и очень серьезным. Он почувствовал, что в этой старой, пахнувшей нафталином и чабрецом истории кроется единственный ключ к спасению его флагамена.

Дед Матвей сцепил пальцы в замок и посмотрел на Даню тяжелым, пронизательным взглядом.

— А никак он их не нашел. Искал-искал, пока Ермолай, отец его, не взял вицу березовую, гибкую, да не отходил Прохора по спине пару раз, чтоб дурь городскую выбить. Не за часы потерянные бил, а за слова обидные, за гордыню слепую да подозрения пустые. А потом посадил Ермолай Прохора вот за этот самый дубовый стол, налил ему воды холодной колодезной и сказал то, что я сейчас тебе скажу.

Дед подался вперед. Тени на стенах перестали плясать и замерли, словно прислушиваясь к важным словам.

— Запомни, Даниил. Вещи — они в нашем мире не сами по себе существуют. В каждой вещи, которую человек сделал своими руками или купил на честно заработанное, есть частица его силы. Его времени. Его энергии, если по-твоему говорить. Одежда, которую ты носишь, не просто ткань — она хранит твоё тепло и оберегает твоё тело от хвори. Инструмент в сарае кормит семью. Телефон твой, хоть и железка бездушная, стекляшка холодная, тоже твою память хранит, твои мысли с другими людьми невидимыми волнами связывает.

Даня заворуженно кивнул. Это было странно, но это звучало как физика. Закон сохранения энергии, только описанный другими, более древними и живыми словами.

— А дом — это сосуд, — продолжил дед, и его голос зазвучал так же глубоко, как гудение ветра в печной трубе. — Огромный сосуд, в котором вся эта энергия вашей семьи собирается и циркулирует. Кузьмич — страж этого сосуда. Хранитель. Его единственная задача — чтобы энергия текла ровно, чтобы баланс был, чтобы нигде не застаивалось дурное и не утекало хорошее. Что такое беспорядок, Даня? Это не просто пыль на полу или неровно лежащая книжка. Беспорядок — это когда вещь лежит без уважения к своему предназначению.

Дед указал узловатым пальцем в сторону коридора, ведущего в светелку. — Ты приехал, зашел в дом. И что сделал? Ты бросил свои штаны и теплую кофту в темный угол, скомкав их, как ненужный мусор. Ты проявил к ним пренебрежение. Для Кузьмича это значит одно: ты сеешь хаос. Ты разрушаешь ровное течение жизни в его владениях. Ты внес заразу пренебрежения в чистое место. А потом потом ты положил свой телефон на самое почетное место на тумбочке, да еще и пылинки с него сдувал, словно это икона какая!

— Ну да, — осторожно сказал Даня, чувствуя, как краснеют уши. — Потому что телефон очень дорогой, а вещи — старые, домашние. Это же логично.

— Это логика рынка, Даниил, а не логика жизни, — покачал головой дед Матвей. — Кузьмич ценников не видит. Ему плевать, сколько мегабайт или рублей стоит твоя игрушка. Он видит другое. Он видит, что приехал мальчишка и возвеличил мертвую, холодную вещь над вещами, которые его реально греют и защищают. Он увидел дисбаланс. Искривление. Болезнь дома! И как хороший, строгий лекарь, Кузьмич не стал ждать. Он удалил причину болезни. Он изъясил твою игрушку, чтобы прервать этот поток хаоса.

Даня сидел, словно громом пораженный. В его голове, привыкшей всё структурировать, раскладывать по папкам и директориям, вдруг со звоном сошлись шестеренки совершенно нового механизма. Домовой — это не злой гном из сказок. Домовой — это системный администратор! Антивирус старого дома! Он сканирует пространство и, если находит вредоносные программы (в данном случае — Даню с его барскими замашками и высокомерием), он блокирует их действия и отправляет зараженные файлы (смартфон) в карантин!

— То есть он не обиделся на меня? И не хотел сделать мне больно? — медленно произнес Даня, чувствуя, как внутри разливается странное, огромное облегчение, смешанное с трепетом перед этой древней логикой. — Он просто восстановил системные настройки?

Дед Матвей хмыкнул, явно не до конца поняв городские компьютерные термины внука, но точно уловив их суть. — Можно и так сказать. Настройки он ваши сбил, чтобы баланс вернуть. Прадед твой, Прохор, когда это понял, плакал горячими слезами. И не по часам долго плакал — от жгучего стыда плакал. Он встал на колени, вымыл полы во всем доме своими руками, не гнушаясь грязной работы. Почистил отцовские топоры, высушил их, смазал льняным маслом. Сложил рубахи в сундук аккуратно. А потом вышел на середину горницы, поклонился низко в красный угол, затем в печной, темный, и сказал громко: «Прости, Хозяин батюшка! Затмило глаза железом звонким да гордыней пустой. Не буду более в твоём доме сор сеять ни делом, ни помыслом».

— И что? — нетерпеливо спросила Варя, подпрыгивая на лавке, отчего та скрипнула. — Часы сразу появились? Из воздуха? Прямо пух-ф-ф — и лежат?

— Магия, Варя, она без лишнего шума и дешевых театральных эффектов работает. Это вам не фокусник в цирке, — мягко улыбнулся дед. — Утром Прохор проснулся, пошел умываться к медному рукомойнику. Глядь — а на чистом льняном рушнике, который мать повесила, лежат его серебряные часы. Натертые до блеска, так что смотреться можно. И тикают ровненько-ровненько, словно и не пропадали никуда, словно только от мастера. Только вот Прохор с тех пор часы эти где попало не бросал. Он для них специальную деревянную коробочку вырезал, мягким бархатом изнутри обил. Стал уважать и саму вещь, и место, где она лежит.

В кухне повисла долгая, глубокая и очень уютная пауза. Только дождь за окном продолжал свою бесконечную монотонную песню, да старые ходики на стене отсчитывали секунды — *тик-так, тик-так*.

Даня смотрел на деда Матвея, и страх, который мальчик испытал вечером у дверей темного чулана, окончательно ушел. На его место пришло какое-то новое, сильное чувство. Это было похоже на то, когда ты решаешь невероятно сложную задачу по геометрии, бьешься над ней часами, злишься на криво начерченный треугольник, а потом учитель подходит и показы-

вает тебе одно дополнительное построение — одну маленькую, тонкую линию. И вдруг хаос превращается в идеальный порядок. Всё становится ясным, логичным и невероятно красивым.

Эта невидимая линия была проведена. Мир Яви и мир Нави соединились в голове Дани в единую, непротиворечивую картину. Просто логика у этой картины была другая — более древняя и глубокая, чем формулы из школьного учебника.

И тут Даня вспомнил еще одну деталь утреннего инцидента. — А носок? — вдруг спросил он, чувствуя, как уши снова начинают гореть от неловкости. — Дед, ну зачем ему мой зеленый носок? Телефон — ладно, я понял, это карантин. Но носок-то он зачем забрал? Я же его не возвеличивал. Я его вообще надеть собирался. Он же не мог нарушить баланс дома!

Дед Матвей откинулся на спинку табурета, посмотрел на внука, на его искренне недоумевающее лицо, и вдруг расхохотался. Его смех был таким громким, искренним и раскатыстым, что остатки напряжения, висевшего в воздухе, лопнули, как мыльный пузырь.

— Ох, Даниил! Ох, уморил! — сквозь смех выговорил дед, вытирая рукавом выступившую слезинку. — Ну ты сам-то подумай! Раскинь мозгами своими математическими! Хозяину нашему почитай триста лет в обед. Сидит он, бедолага, за печкой, в темноте, столетиями за вашим порядком следит. Из развлечений — только мышей гонять, да вот Варины каракули по ночам разглядывать. А тут приезжаешь ты. С носками цвета как бишь его

— Неоново-салатового, — подсказал Даня, сам начиная невольно улыбаться, заражаясь весельем деда.

— Во-во! Цвет бешеной лесной гусеницы! — радостно закивал дед Матвей. — Для Кузьмича это ж невидаль несусветная! Красота неопиcуемая! Он же, почитай, всю свою долгую жизнь только серую овечью шерсть да белое лыко видел. А тут такое зарево зеленое посреди комнаты! Забрал полюбоваться в уголок. Не со зла забрал, не для наказания. Просто дух старый, а любопытный иной раз, как ребенок малый. Считай, что это твой небольшой налог на проживание в сказке.

Варя звонко захихикала, прикрыв рот ладошкой. — Я же тебе говорила! Я же говорила, что он из него гамак сделает! Или спальный мешок! Ему там мягко и зелено!

Даня покачал головой, но злиться уже совершенно не мог. Идея о том, что древний, могущественный дух-хранитель, способный наводить морок и прятать вещи в иных измерениях, утащил его любимый носок просто потому, что ему приглянулся ядовитый цвет «бешеной гусеницы», была настолько абсурдной, что в нее было невозможно не поверить. Она делала этот пугающий мир Нави чуточку ближе и добрее.

Чай в кружках совсем остыл. Керосиновая лампа начала слегка коптить, намекая, что керосин на исходе и вечер подошел к своему естественному финалу.

Дед Матвей медленно поднялся. Его огромная тень метнулась по бревенчатому потолку и растворилась в темных углах горницы. — Ну всё, путешественники между мирами. Пора и честь знать. Завтра день новый, дела новые. Идите-ка спать.

Даня слез с табурета. Он чувствовал странную легкость во всем теле. Голова была ясной, а мысли текли спокойно и ровно, как река на равнине. — Дед спасибо за чай. И за историю, — тихо, но очень искренне сказал мальчик.

Дед Матвей подошел и своей большой, шершавой ладонью ласково взлохматил Данины волосы. — На здоровье, сыщик. Ты парень смысленный, упрямый. Фонарик городской у тебя яркий. Осталось только научиться его иногда выключать по доброй воле, чтобы свет настоящих звезд увидеть. Ступайте.

Когда Даня и Варя вернулись в свою светелку, там было темно и прохладно. Мальчик нащупал на стене выключатель и щелкнул им. Обычный, знакомый желтый свет электрической лампочки залил комнату.

Всё было на своих местах. Идеально заправленные кровати, ровно сложенные на деревянном стуле Данины вещи (он больше ни за что не стал бы кидать их в угол). И всё та же пустая тумбочка.

Варя сладко зевнула, подошла к своей кровати и наклонилась, чтобы поднять с пола упавший рисунок с углем. Она взяла листок, сонно посмотрела на него и вдруг замерла, как вкопанная. Сонливость слетела с девочки в мгновение ока.

— Дань — позвала она странным, тонким, звенящим голосом. — Дань, иди сюда. Скорее посмотри.

Даня в два шага пересек комнату, подошел к сестре и заглянул через ее плечо в рисунок. Угольные линии от долгого лежания на полу немного размазались, но картинка в целом была всё той же. Глазастый, лохматый стог сена с ручками и ножками, нарисованный Вариной рукой, смотрел на них с бумаги.

Но было одно невероятное отличие. Там, где днем Варя неумело нарисовала черный прямоугольник телефона в лапе существа, теперь красовалось аккуратное, четко выведенное пятно, удивительно напоминающее по форме пушистый зимний носок.

А самое главное — это пятно было раскрашено. Ярким, сочным, неоновозеленым цветом. Хотя никаких цветных карандашей, фломастеров или красок в их светелке не было и в помине.

Даня долго, очень долго смотрел на этот идеально ровный зеленый носок на бумаге. Рациональный мозг даже не пытался пискнуть про химический состав неизвестного красителя. Мальчик просто перевел взгляд на темный угол за старым платяным шкафом, откуда днем доносились загадочные смешки.

Он глубоко вздохнул, приложил правую руку к сердцу, как делали древние самураи в фильмах, чтобы выразить высшую степень почтения, и медленно, с полным осознанием того, перед кем он извиняется, произнес:

— Спокойной ночи, Хозяин батюшка. И извини меня за беспорядок.

Из темного угла никто не ответил. Там было тихо. Но Дане совершенно отчетливо показалось, что воздух в комнате вдруг стал чуточку теплее, запах пыли сменился легким ароматом сушеного чабреца, а половицы под ногами скрипнули не жалобно, а как-то очень по-домашнему, одобрительно. Он понял правила этой новой, сложной игры.

Глава 8. Правила старого дома.

Утро после затяжного летнего дождя всегда особенное. Мир за окном кажется умытым, обновленным и хрустящим, словно свежее яблоко.

Даня проснулся от того, что солнечный луч, пробившись сквозь влажную листву старой яблони, мазнул его по щеке. Мальчик открыл глаза и потянулся. Воздух в светелке был прохладным, пах мокрой травой, озоном и немного древесной смолой от нагревающихся на солнце бревен.

По привычке, выработанной годами городской жизни, Даня потянулся правой рукой к тумбочке, чтобы нащупать холодный прямоугольник смартфона и проверить уведомления. Его пальцы коснулись гладкого дерева. Телефон в карантине.

Но, к своему собственному удивлению, Даня не почувствовал ни раздражения, ни паники, которые душили его вчера. Вместо этого в груди разлилось спокойное, прохладное принятие.

Он повернул голову. Варя еще спала, раскинув руки, а на ее тумбочке, придавленный круглым камушком, лежал вчерашний рисунок. Неоново-зеленое пятно носка на белой бумаге выглядело в утреннем свете почти вызывающе, как флаг неведомой страны.

Даня сел на кровати и огляделся.

Вчера вечером, слушая деда Матвея, он понял главную концепцию. Но теория — это одно, а практика — совсем другое. Если этот дом — живая экосистема, а домовый Кузьмич — ее администратор, значит, у этой системы должен быть свой свод правил. Четкий алгоритм. Набор инструкций, нарушая которые, ты вызываешь «ошибку системы» и получаешь наказание.

«Метод дедукции провалился, — подумал Даня, спуская ноги на полосатый коврик. — Переходим к методу научного наблюдения».

Он встал и медленно, стараясь не шуметь, начал заправлять кровать. Он делал это не так, как дома, когда мама кричала из коридора: «Даня, быстро убери постель, мы опаздываем!». Он делал это вдумчиво. Расправил тяжелый матрас. Аккуратно натянул простыню, чтобы не было ни одной складочки. Взбил перьевую подушку. Затем взял верблюжье одеяло и накрыл им кровать, выровняв края так, чтобы они свисали симметрично.

Закончив, мальчик окинул кровать взглядом. Она выглядела аккуратной, спокойной. Законченной. И вдруг Даня заметил странную вещь. Вчера, когда он ходил по комнате, половицы под его ногами скрипели громко и недовольно, словно ворчали. Сейчас же, когда он сделал шаг к стулу со своими вещами, пол отозвался лишь мягким, глухим вздохом. Как будто старое дерево признало в нем своего.

— Правило первое, — прошептал Даня себе под нос, надевая джинсы. — У каждой вещи есть свое место. Беспорядок — это вирус, который раздражает антивирус дома.

Он оделся, ровно поставил домашние тапочки у кровати и вышел из светелки.

В горнице было светло и уютно. Печь уже протопили, и теперь она отдавала мягкое, сухое тепло. Дед Матвей сидел за большим дубовым столом. Этим утром он не строгал дерево. Перед ним лежал старый, тяжелый точильный камень, маленькая масленка и несколько ножей с деревянными ручками.

Дед капнул на серый камень каплю темного машинного масла, взял самый большой кухонный нож и плавным, выверенным движением провел лезвием по камню. *Вжжжжик-ишшш* — пропела сталь. *Вжжжжик-ишшш* — ответил камень.

В этом звуке была своя, гипнотическая ритмика. Запах машинного масла и металлической стружки смешивался с ароматом пшенной каши, которая томила в печи.

— Доброе утро, путешественник, — не поднимая глаз от работы, произнес дед. — Вижу, сегодня ты встал с той ноги. И даже пол под тобой не ругается.

Даня подошел к столу и сел на табурет. — Доброе утро, дедушка. Я проводил наблюдения. Кажется, я начинаю понимать, как здесь всё устроено.

Дед Матвей усмехнулся в бороду, отложил заточенный нож в сторону и взял следующий, поменьше. — И к каким же выводам пришла твоя городская наука на этот раз?

— К выводам о правилах эксплуатации, — серьезно ответил Даня. — Если дом живой, значит, у него есть техника безопасности. Я понял первое правило — не раскидывать вещи. Не возвеличивать их и не унижать. Нужно соблюдать баланс. Кузьмич не любит суету.

Дед отложил точильный камень. Он вытер руки о суровую тряпку и внимательно посмотрел на внука. Взгляд его из-под густых бровей был одобрительным, но в нем читалась затаенная хитринка.

— Баланс, говоришь Хорошее слово. Правильное. Только вот, Даниил, баланс — это не только когда штаны на стуле ровно лежат. Баланс — он ведь в мелочах кроется, которых вы, городские, в упор не видите. Вы привыкли, что мир вокруг вас безопасный, в бетон закатанный. А здесь, на земле, мир — он как океан. И дом — это корабль.

Дед поднялся, подошел к рукомойнику, чтобы сполоснуть руки. Солнце за окном вдруг спряталось за набежавшее облачко, и в горнице стало чуточку темнее. Углы снова налились густыми тенями. Атмосфера неуволимо изменилась — утренний быт отступил, уступая место чему-то более глубокому и древнему.

— Ты вот говоришь — техника безопасности, — дед вернулся за стол, сел напротив Дани и положил тяжелые руки на столешницу. Голос его вновь приобрел ту самую певучесть, от которой у Дани мурашки бежали по спине. — А знаешь ли ты, почему вчера вечером я дверь в чулан на вертушку закрыл, хотя ты говорил, что это сквозняк?

Даня покачал головой. — Чтобы мыши не выбежали?

— Эх, мыши Мыши — это полбеда, — дед вздохнул. — Дверь, Даня, это граница. Порог — это черта между своим, домашним, обжитым, и чужим, внешним. Когда ты открываешь дверь и оставляешь ее настежь без нужды, ты словно прореху в защитной сети дома делаешь. И в эту прореху не только сквозняк лезет. В нее Навь заглядывает.

Дед подался вперед, и его глаза потемнели. — Расскажу я тебе, как одно такое правило родилось. Было это давно, еще при моем деде Игнате. Жил по соседству с нами мужик, Архипом звали. Мужик богатый, торговый, всё у него в руках спорилось. Дом — полная чаша, лошади справные, жена-красавица. Да только был у Архипа один изъян — суетлив был не в меру и горделив. Законов старых не читил, всё по-своему норовил переиначить.

Даня затаил дыхание. Он любил дедовские истории. В них всегда была железная логика, просто спрятанная под слоем сказочных метафор.

— Как-то раз по осени, — ритмично заговорил дед Матвей, словно читая невидимую книгу, — вернулся Архип с ярмарки. Деньги привез, товары. Гулял, веселился. Сели они с женой ужинать. Поели, а Архипу не сидится, кровь играет. Взял он нож, которым каравай резал, да так и воткнул его в столешницу с размаху! Мол, знай наших, я тут хозяин! А потом еще и насвистывать начал, ходя по избе. Жена ему говорит: «Архипушка, не свисти в дому, тепло высвистишь, да нож со стола убери, не ровен час — беда придет». А он только отмахнулся. «Мой дом, — кричит, — что хочу, то и делаю! Я деньги платил, я здесь указ!».

Даня нахмурился. — А что не так с ножом на столе? И почему нельзя свистеть? Мама тоже мне запрещает свистеть в квартире, говорит — денег не будет. Но это же просто суеверие.

Дед Матвей покачал головой, и в его глазах отразилась древняя мудрость. — Суеверие — это когда черной кошки боятся, не понимая почему. А тут — законы физики, как ты любишь говорить. Только физики духовной. Слушай внимательно. Стол — это Божья ладонь, место, где семья собирается, где хлеб делят. Острие, оставленное на столе на ночь, режет защитную

ткань дома. Оно притягивает к себе темные мысли, ссоры, обиды. Это как антенна для всего дурного, что в мире Нави бродит. А свист — это голос ветра, голос пустоты. Свистом призывают то, что не имеет формы. Высвистывая в доме, Архип сам того не ведая, разрушал барьеры.

— И что случилось? — прошептал Даня, живо представляя себе этого наглого Архипа и воткнутый в деревянный стол нож.

— А случилось то, что Кузьмич наш, а вернее, тот домовый, что у Архипа жил — дед Никанор его звали — не сдюжил, — голос деда стал тихим и напряженным. — Архип своими действиями морок в дом пустил. Ночью поднялся ветер. Да такой, что ставни с петель рвал. Собаки во дворе завывали. Архип проснулся, хотел свечу зажечь — а огниво из рук падает, не искрит. Полез за ножом, что на столе оставил — а ножа нет. Темнота в избе стала густая, как деготь. И в этой темноте кто-то начал ходить. Тяжело так, с присвистом.

Даня невольно поежился и придвинулся ближе к деду.

— Архип кричит: «Кто здесь?!». А в ответ ему из красного угла шипение змеиное: «Сам позвал, сам и встречай». Молоко в крынках в ту же ночь скисло в зеленую жижу. Хлеб в печи камнем стал. А утром, когда солнце всё же взошло и морок рассеялся, Архип нашел свой нож. Он был воткнут не в стол, а в косяк входной двери. Снаружи. А рядом на пороге сидел Никанор-домовый, седой весь, уставший, и плакал. Потому что Хозяин дома, Архип, своей гордыней и глупостью сам открыл ворота злу, а духу пришлось всю ночь на пороге с этим злом биться, защищая неразумных.

Дед замолчал. Тишина в горнице казалась теперь наполненной смыслами. Каждая щель в полу, каждый узел на деревянной стене словно хранили память о тех древних битвах за баланс.

— Архип после той ночи поседел, — тихо закончил дед Матвей. — Он понял. Понял, что Хозяин в доме — это не тот, кто кулаком по столу стучит и деньги считает. Хозяин — это тот, кто хранит покой. Кто уважает пространство, в котором живет. С тех пор в его доме ножи после ужина всегда в ножны прятались, крошки со стола в ладонь сметались, а после заката мусор за порог не выносился, чтобы удачу в ночь не выбросить. И домовый Никанор больше не плакал.

В этот момент дверь светелки отворилась, и на кухню вышла заспанная Варя. Она терла глаза кулачком, а в другой руке волочила за собой свой рисунок. — Деда, а почему кашей пахнет, а мы еще не едим? — спросила она, забираясь на лавку и поджимая под себя ноги. — Ой, а чего вы такие серьезные? Опять про Кузьмича секретничаете?

Морок растаял. Дед Матвей ласково улыбнулся внучке, и его лицо снова стало лицом обычного, любящего дедушки. — Каша томится, стрекоза. Ей время нужно, чтоб упреть. А мы тут с братом твоим научные беседы ведем. Про технику безопасности.

Даня сидел, погруженный в свои мысли. История про Архипа поразила его. В ней не было злых монстров, которые едят детей. В ней была система причин и следствий.

— Дед, — Даня поднял глаза, и в них светилось понимание. — Я всё понял. Это же как компьютерная безопасность.

Дед удивленно вскинул брови: — Чего-чего?

— Ну смотри! — Даня оживился, его глаза загорелись. — Дом — это защищенная локальная сеть. У нее есть свой фаервол — ну, то есть, межсетевой экран. Это Кузьмич. Он фильтрует всё, что попадает внутрь. Свист, ножи на столе, открытые двери — это открытые порты, уязвимости в коде. Оставляя нож на столе, Архип как бы оставил свою сеть Wi-Fi без пароля! Любой хакер из ну, из Нави мог подключиться и скачать все данные или занести вирус! А Кузьмич всю ночь работал как антивирус, блокируя Ddos-атаки!

Дед Матвей несколько секунд смотрел на внука, моргая. Варя хихикнула, болтая ногами. А потом дед вдруг запрокинул голову и рассмеялся — густым, раскатистым смехом, от которого, казалось, даже чугунки в печи радостно звякнули.

— Ох, Даниил! Ох, голова! — отсмеявшись, произнес дед, утирая слезу. — Фаервол! Хакеры из Нави! Надо же такое придумать! А ведь ведь суть-то ты ухватил верно, сыщик! Слова у тебя мудреные, железные, но смысл в них наш, исконный. Всё правильно. Небрежность рождает уязвимость.

Даня почувствовал гордость. Он наконец-то нашел общий язык с этим странным местом. Он перевел магию на язык логики, и она перестала быть пугающей. Она стала просто набором правил.

— Значит, подведем итоги, — Даня начал загибать пальцы. — Правило первое: каждой вещи свое место и уважение. Правило второе: не оставлять острые предметы на виду на ночь, чтобы не привлекать вирусы. Правило третье: закрывать двери и не свистеть, чтобы не создавать дыры в защите. Я всё правильно понял?

— Правильно, — кивнул дед, поднимаясь, чтобы достать кашу. — Если будешь эти правила чтить, дом для тебя станет крепостью, а Хозяин — первым помощником.

— Хорошо, — Даня тоже встал. Он подошел к умывальнику, чтобы вымыть руки перед завтраком. — Я принимаю пользовательское соглашение. Я согласен с правилами.

Он открыл кран старого раковинника, вода звонко ударила в алюминиевую раковину. Мальчик вымыл руки, вытер их полотенцем. Повернувшись, чтобы пойти к столу, он вдруг заметил на полу возле дровника маленькую, но острую деревянную щепку. Раньше он бы просто пнул ее ногой под лавку или вообще не обратил внимания.

Но сейчас Даня остановился. Он вспомнил про «острые предметы» и «открытые порты».

Мальчик наклонился, аккуратно двумя пальцами поднял острую щепку. Он подошел к печи, отодвинул заслонку и бросил деревяшку прямо на тлеющие угли. Щепка вспыхнула ярким, веселым огоньком и мгновенно рассыпалась в серый пепел.

Даня закрыл заслонку. И в ту же секунду ему показалось, что откуда-то из-за печной трубы донеслось довольное, едва слышное урчание — похожее на мурлыканье огромного, невидимого кота.

Дед Матвей, ставивший на стол чугунок с дымящейся, желтой от масла пшенной кашей, заметил действия внука. Он ничего не сказал, но уголки его губ одобрительно приподнялись.

— Дед, — Даня сел за стол, чувствуя невероятный аппетит. — Я понял, как работает система. Я перестал делать ошибки. Я сложил вещи. Я убрал мусор. Но мой телефон всё еще в карантине. Зеленый носок тоже.

Варя пододвинула к себе тарелку и обильно посыпала кашу сахаром. — Конечно, в карантине. Ты же просто перестал безобразничать. Но ты же не извинился.

Даня посмотрел на сестру, потом на деда. — А как как извиняются перед фаерволом? Я вчера сказал в пустой угол «извините», но ничего не произошло. Слова не работают?

Дед Матвей зачерпнул деревянной ложкой кашу. — Слова, Даня, это просто сотрясение воздуха, если за ними дела не стоит. Кузьмич — он дух старой закалки. Он интернетов ваших не читает. Для него слова — пустое. Ему намерение важно. Намерение, выраженное в поступке.

— В каком поступке? — нахмурился Даня. — Мне что, полы вымыть? Или дров наколоть?

— Труд — дело хорошее, — задумчиво протянул дед. — Но тут дело тоньше. Ты оскорбил Хозяина пренебрежением к его дому. Значит, чтобы вину загладить, нужно показать ему свое уважение. Проявить внимание. Сделать подношение.

— Подношение? — Даня поперхнулся кашей. — В смысле жертву принести?! Дед, ты чего? Мы же не в каменном веке! Мне что, курицу зарезать?!

Варя уронила ложку, и ее глаза наполнились ужасом. — Деда! Не надо резать курочку Рябу! Она хорошая, она яйца несет! Даня живодер!

Дед Матвей рассмеялся так громко, что Варя перестала пугаться, а Даня покраснел до корней волос. — Тыфу на тебя, фантазер городской! Какие куры?! Какие жертвы?! Я же говорил — нету у нас злых богов, требующих крови! Кровь — это смерть, а Кузьмич жизнь охраняет.

Дед вытер выступившие от смеха слезы и покачал головой. — Подношение, Даниил — это дар от чистого сердца. Угощение. Приглашение к миру. Когда ты хочешь помириться с другом, ты же покупаешь ему шоколадку или зовешь в кино? Вот и здесь так же.

Даня облегченно выдохнул. — Фух. Я уж думал, тут темная магия начинается. Угощение — это логично. Дипломатический жест. И что любят домовые?

Дед Матвей хитро прищурился, посмотрел на Варю, которая уже успокоилась и уплетала кашу, а затем перевел взгляд на Даню.

— Домовые, брат Даниил, больше всего на свете уважают две вещи. Чистоту помыслов и самое свежее, самое сладкое угощение, поданное с почтением. Тебе придется постараться. Потому что Кузьмич из треснутой кружки пить не станет, и магазинные конфеты в блестящих фантиках есть не будет. Ему настоящее подавай.

— И где мне это взять? — деловито спросил Даня, чувствуя себя участником квеста, в котором наконец-то появилась понятная цель.

— А вот после завтрака и узнаешь, — сказал дед, отрезая ломоть свежего хлеба. — Пойдешь в сервант, найдешь там самое красивое блюдо, которое еще моя бабка берегла. А потом мы с тобой отправимся к соседке, бабе Нюре. Потому что для настоящего примирения нам понадобится парное молоко. Прямо из-под коровы. И ни пакетом меньше.

Даня кивнул. Квест "Примирение с фаерволом" был официально запущен. И ради своего смартфона с 256 гигабайтами памяти он был готов добыть молоко хоть из-под дикого единорога.

Глава 9. Подготовка к примирению.

Старинный дубовый сервант, занимавший добрую половину стены в горнице, всегда казался Дане вещью сугубо утилитарной и невероятно громоздкой. В городской квартире на его месте поместились бы компьютерный стол, стеллаж из ИКЕИ и еще осталось бы место для кресла-мешка. Но здесь, в старом доме, сервант был чем-то вроде архитектурного памятника. Он возвышался над полом, опираясь на резные львиные лапы, и смотрел на мир выпуклыми стеклами дверец.

После завтрака дед Матвей махнул рукой в сторону этого деревянного исполина: — Идите, выбирайте. В нижнем ящике, под скатертями. Там бабушкин фарфор лежит. Ищите блюда, да такое, чтоб самому царю подать не стыдно было.

Даня подошел к серванту с чувством глубокой ответственности. Если Кузьмич — это системный администратор дома, то сейчас Дане предстояло выбрать правильный интерфейс для ввода данных. Ошибка могла стоить ему смартфона.

Он потянул на себя тяжелую дверцу. Она поддалась с мягким, тягучим скрипом, и на детей пахнуло запахом старого дома: смесью сушеной гвоздики, ванильного сахара, пожелтевшей бумаги и какой-то неуловимой цветочной пылью.

Варя тут же просунула голову под руку брата. — Ого! Сколько тут всего! Дань, смотри, какая сахарница со слонем! Давай в нее нальем? Слоны большие, Кузьмичу точно понравится!

— Варя, включи логику, — вздохнул Даня, методично отодвигая в сторону стопку накрахмаленных льняных салфеток. — Нам нужно блюдо. Сахарница глубокая. Домовой — дух небольшого размера, судя по тому, что он прячется за печкой. Ему будет неудобно пить из глубокой посуды. Это эргономический просчет.

— Зануда, — фыркнула Варя, но от сахарницы отстала. — Тогда вот! Смотри, какая прелесть!

Она вытащила из глубин полки маленькую фаянсовую тарелочку. Тарелочка была веселенькой: по ее краю шли яркие, аляповатые красные маки, а в центре красовалась надпись «Общепит». На краю был небольшой, но заметный скол.

— Нет, — категорично отрезал Даня. У него в голове всё еще звучали слова деда про уважение. — Дед сказал: «самое красивое». С царапинами и сколами не пойдет. Это как битый пиксель на экране. Раздражает и портит всю картину. Кузьмич не дурак, он поймет, что мы ему неликвид подсовываем. Ищи нормальное.

Они копались минут пять. Даня, привыкший к минимализму белой икеевской посуды, вдруг обнаружил, что старые вещи обладают совершенно невероятным разнообразием форм. Здесь были глубокие пиалы, похожие на перевернутые купола мечетей; тонкие розетки для варенья, звенящие от одного прикосновения; тяжелые керамические тарелки, расписанные синей гжелью.

Наконец, на самом дне ящика, под слоем папиросной бумаги, пальцы Дани нащупали что-то гладкое и прохладное. Он осторожно развернул шуршащую обертку.

Это было небольшое блюдо. Но какое! Оно было сделано из такого тонкого фарфора, что, если посмотреть сквозь него на свет из окна, можно было увидеть тень собственных пальцев. По краю блюда шла тончайшая, едва заметная золотая каемка, а в самом центре была нарисована крошечная, но невероятно живая синичка, сидящая на ветке рябины.

Даня провел пальцем по гладкой поверхности. Ни единой царапины. Идеальный баланс. — Вот это, — уверенно сказал мальчик. — Это премиум-класс. Думаю, Хозяину понравится.

Дед Матвей, наблюдавший за ними от стола, удовлетворенно кивнул, поглаживая бороду. — Кузнецовский фарфор. Прабабка ваша пуще глаза берегла, только по большим праздникам доставала. Молодец, Даниил. Выбрал вещь с историей, с душой. Правильный подход.

Дед снял с крючка у двери легкую ветровку, надел на голову выдавшую виды кепку и взял со стола алюминиевый бидончик с плотно закрывающейся крышкой. — Ну, посуду мы добыли. Теперь дело за малым — добыть то, чем ее наполнить. Обувайтесь, внучата. Пойдем к бабе Нюре. Ее Зорька как раз с утреннего выпаса вернулась.

Выход на улицу после ночного ливня оказался настоящим сенсорным потрясением. В городе дождь просто смывал пыль с асфальта и создавал пробки. Здесь, в Лихолесье, дождь перезагружал саму природу.

Воздух был таким густым и свежим, что его хотелось пить большими глотками. Пахло мокрой полынью, прелой землей и нагревающимся на солнце деревянным забором. Повсюду, на каждом листике лопуха, на каждой травинке висели крупные, прозрачные капли, в которых преломлялся солнечный свет, превращая обычный деревенский двор в сокровищницу, усыпанную алмазами.

Варя в своих ярко-желтых резиновых сапогах немедленно измерила глубину ближайшей лужи, с наслаждением топнув ногой. Брызги разлетелись в разные стороны. Даня, обутый в практичные темные непромокаемые ботинки, лужи методично обходил.

— Дед, — спросил Даня, шагая по узкой тропинке вслед за широкой спиной старика. Тропинка вилась между зарослями крапивы, и мальчик старательно втягивал живот, чтобы не обжечься. — Я всё хотел спросить. Вот мы несем ему молоко. В блюде из фарфора. Это всё очень красиво и атмосферно. Но, по сути, мы же даем ему взятку? Чтобы он разблокировал доступ к телефону?

Дед Матвей резко остановился. Так резко, что Даня чуть не уткнулся носом в его спину. Старик обернулся, и его лицо было серьезным. Лучистые морщинки вокруг глаз исчезли.

— Взятку? — медленно переспросил дед, и в его голосе снова зазвучали те самые низкие, рокошующие нотки, от которых по коже бежали мурашки. — Эх, Даня-Даня. Опять ты за свое. Городские ваши слова — они мелкие, как битое стекло. И ранят так же.

Дед оперся на забор и посмотрел на внука в упор. — Взятку, паря, дают от страха. Или от жадности. Взятка — это когда ты хочешь обмануть закон, купить себе то, на что права не имеешь. А мы сейчас идем не закон нарушать. Мы идем Баланс восстанавливать. То, что мы сделаем — это не взятка. Это Треба. Подношение. Дар.

Даня нахмурился, пытаясь уловить разницу. — А в чем отличие? Результат-то один — мы даем еду, он отдает вещь. Обычный бартер.

— Разница — в помыслах, — веско сказал дед Матвей. — Когда ты даешь взятку, ты человека не уважаешь, ты его используешь. А когда ты приносишь дар Хозяину дома, ты говоришь ему: «Я вижу твой труд. Я уважаю твою силу. Я делюсь с тобой самым ценным, что у меня есть, чтобы показать, что мы с тобой — одна семья».

Дед поднял бидончик так, чтобы солнце блеснуло на его алюминиевом боку. — Почему именно молоко, как думаешь? Почему не кусок рафинада или не печенье из пачки, которое у нас в шкафу лежит?

Варя, которая уже успела нарвать букет из мокрых ромашек, подбежала к ним. — Потому что Кузьмич — как котик? Он лохматый и любит молочко!

Дед улыбнулся и погладил внучку по голове. — И поэтому тоже, стрекоза. Но главное в другом. Даня, что такое магазинное печенье? Это мертвая еда. Ее машина замесила, в печи сожгла, в пластик запаяла. В ней жизни нет, одна сладость пустая. Домовые духи физическую пищу не едят, они зубами не жуют. Они питаются Духом еды. Энергией жизни, которая в ней заложена.

Дед Матвей повернулся и снова зашагал по тропинке, а его голос поплыл над мокрой травой, вплетаясь в пение птиц. — Молоко — это чистая Жива. Это сама природа. Корову Зорька траву ела, ту, что росой умывалась да солнцем грелась. Она эту траву в молоко обратила. В этом молоке — сила земли, тепло животного, забота бабы Нюры, которая корову эту поит да

кормит. Когда ты наливаешь такое молоко в блюдце, ты ставишь перед Хозяином концентрат самой жизни. Ты делишься с ним теплом нашего мира, чтобы ему там, в его мире Нави, не так зябко было.

Даня слушал, и его внутренний аналитик молчал. Удивительное дело — дед говорил абсолютно антинаучные вещи про энергию жизни и духов, но это звучало настолько логично в контексте этой деревни, этого леса и этого неба, что спорить совершенно не хотелось.

— Значит, блюдце показывает уважение, а молоко — это передача живой энергии, — резюмировал Даня вслух, скорее для себя. — Идеальный протокол примирения. Без багов.

— Во-во, протокол, — хмыкнул дед. — Главное, чтоб протокол этот от чистого сердца шел, а не из-под палки.

Двор бабы Нюры встретил их запахом сена, навоза и цветущей сирени. Баба Нюра, маленькая, кругленькая старушка в повязанном по самые брови цветастом платке, как раз выходила из хлева, неся в руках тяжелое эмалированное ведро.

Увидев соседей, она просияла, обнажив несколько золотых зубов. — Ба! Матвей! С вну-чатами пожаловал! А я смотрю — кто это у нас такие городские, красивые по лужам шагают?

— Здравствуй, Анна свет-Ивановна, — дед Матвей степенно поклонился. — Вот, привел молодежь к натуральному хозяйству приобщаться. Молочка нам парного не отольешь? Дело у нас важное, домашнее. Требуется самое лучшее.

Баба Нюра понимающе закивала, словно слова «дело домашнее» были каким-то секретным паролем, известным только старожилам. Она окинула Даню цепким, но добрым взглядом.

— Важное, говоришь? Знамо дело, Кузьмича задабривать будете? Ох, уж эти городские, вечно с Хозяевами не в ладах по первости. Ничего-ничего, мой-то Афанасий в прошлом годе тоже очки отцу за печку уволок, насилу обратно выпросили!

Даня покраснел. Оказывается, кража гаджетов и личных вещей была здесь делом обыденным, как отключение горячей воды в городе.

— Подходи, касатик, — поманила баба Нюра Даню к себе. — Давай свой бидончик.

Даня подошел ближе и заглянул в хлев. Там, в полумраке, мерно жуя жвачку, стояла огромная рыжая корова. Ее большие, влажные глаза с густыми ресницами смотрели на мальчика с философским спокойствием древнего божества. От коровы исходило густое, осязаемое тепло.

Баба Нюра взяла из рук Дани алюминиевый бидон и начала переливать в него молоко из своего ведра. И тут Даня замер.

Он привык, что молоко — это холодная белая жидкость, которая льется из картонного пакета «Тетра Пак» с нарисованным веселым котиком. Оно всегда было одинаковым, без запаха и эмоций.

То, что лилось сейчас в бидон, было совершенно другим. Оно было густым, желтоватым и покрытым высокой шапкой белых, лопающихся пузырьков. Но главное — от него шел пар. Запах ударил в нос — сладкий, сливочный, с едва уловимой ноткой луговых трав и парного тепла.

— Держи крепко, не расплескай, — баба Нюра закрыла крышку и протянула бидон Дане.

Мальчик взял его за дужку, и его пальцы коснулись алюминиевого бока. Бидон был горячим. Не обжигающим, но таким теплым, словно внутри находилась маленькая батарея.

— Ого, — непроизвольно вырвалось у Дани. — Оно теплое.

Баба Нюра рассмеялась, вытирая руки о передник: — А ты как думал, милок? Зорька-то не холодильник, она живая. В ней кровь горячая течет. Это ж самое здоровье! Неси аккуратно, пока тепло не ушло. Домовые — они тепло уважают. Им за печкой сухо, да зябко порой от людского равнодушия бывает.

Обратный путь до дома прошел в почти полном молчании. Даня нес бидончик осторожно, стараясь не размахивать им, чтобы не сбить ту самую драгоценную пенку. Тепло от металла передавалось через пальцы, поднималось по руке и странным образом успокаивало.

Он впервые в жизни держал в руках продукт, который не прошел стадию фабричной обработки, пастеризации, гомогенизации и штрих-кодирования. Это была просто еда. Живая и настоящая. И именно ее он собирался отдать невидимому духу.

Когда они вернулись в дом, солнце уже окончательно разорвало тучи, и горница была залита ярким, золотистым светом. Пылинки танцевали в солнечных лучах, придавая воздуху плотность.

Дед Матвей молча сел на лавку у окна и достал свой складной нож, всем своим видом показывая, что его роль окончена. Дальше дети должны действовать сами.

Даня глубоко вдохнул. Он подошел к столу, взял кузнецовское блюдо с нарисованной синичкой и осторожно понес его к печи. Варя шла следом, на цыпочках, боясь нарушить торжественность момента.

Место за печью было темным. Там всегда царил полумрак, пахло золой и сухими вениками. Между беленым боком печи и бревенчатой стеной была небольшая ниша, выступающая в роли полочки. Именно туда дед Матвей клал запасные спички.

Даня аккуратно поставил фарфоровое блюдо на эту деревянную полочку. Золотая каемка тускло блеснула в полумраке. Затем мальчик открыл бидончик. Сладкий молочный дух снова поплыл по комнате.

Даня медленно, стараясь не пролить ни капли, начал наливать молоко в блюдо. Белая, пенная жидкость покрыла синичку, заполнила фарфоровую емкость почти до самых краев. Тепло от молока мягко коснулось лица мальчика.

— Готово, — прошептал Даня, выпрямляясь.

Но его рука, державшая бидон, дрогнула. Одна-единственная, крошечная капля теплого молока сорвалась с края и полетела вниз.

Даня зажмурился. Блин! Только не это! Дед же говорил про идеальную чистоту и порядок! Капля ударилась о широкую, гладкую половицу прямо под полочкой.

Мальчик тут же полез в карман за бумажной салфеткой, которую всегда носил с собой. — Сейчас, я вытру, я не специально, это случайность — забормотал он, наклоняясь.

Он поднес салфетку к полу, чтобы промокнуть белое пятнышко. И замер.

Деревянная половица была абсолютно сухой. Никакой капли там не было. Не было даже влажного следа, который обычно остается на некрашеном дереве.

Даня провел пальцем по доске. Сухо. Чуть-чуть пыльно, но абсолютно сухо. Капля, которая только что на его глазах упала на пол, исчезла бесследно. Растворилась в воздухе. Или

В этот самый момент из-за темного, теплого печного бока, откуда-то из самой глубины ниши, куда не доставал свет, раздался звук. Это был даже не звук, а вибрация. Очень тихое, утробное, довольное причмокивание, плавно переходящее во вздох, какой издает сытый, уставший человек, наконец-то севший в любимое кресло после долгого дня.

Варя охнула и вцепилась обеими руками в рукав Даниной ветровки. Ее глаза сияли смесью восторга и благоговейного ужаса.

Даня медленно выпрямился. Сердце колотилось где-то в горле. Его логика, его физика, его нерушимая картина мира только что окончательно капитулировали перед одной исчезнувшей

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.